

19. Зенонъ.

Зенонъ изъ Элеи—ученикъ, приѣмный сынъ и „предметъ любви“ Парменида, „элейскій Паламедъ“, по выраженію Платона ¹⁾, „изобрѣтатель діалектики“, по Аристотелю ²⁾, „двуязычный порицатель всѣхъ“, по Тимону ³⁾. Аполлодоръ относитъ акме его къ 79 олимпіадѣ (464—460 г. до Р. Хр.); П. Таннери и Дж. Бернетъ полагаютъ, что онъ родился около 489 г. (принимая сообщеніе Платона, что въ возрастѣ 40 лѣтъ онъ читалъ свое сочиненіе Сократу, и относя эту встрѣчу Зенона съ Сократомъ къ 449 г.). Зенонъ—не только великій умъ, но и сильный характеръ, какъ свидѣтельствуется его поведеніе, когда былъ раскрытъ заговоръ, который онъ составилъ противъ элейскаго тиранна. О силѣ его воли свидѣлствуютъ также приписываемыя ему изреченія (см. А 18 и А 19). Платонъ превозноситъ его, какъ политическаго дѣятеля, отдавая ему предпочтеніе передъ Перикломъ. Зенонъ первый сталъ брать плату за ученіе (плата была довольно высокой: сто минъ, см. А 4) и въ этомъ отношеніи онъ является предшественникомъ софистовъ. Его называютъ учителемъ Перикла, Протагора, Пиеодора, Каллія и др.

Зенонъ является послѣдователемъ Парменидова ученія о всеединствѣ: цѣлю, которую преслѣдовали его сочиненія, была защита этого ученія. Различіе между Парменидомъ и Зенономъ Платонъ усматриваетъ лишь въ томъ, что Парменидъ доказывалъ существованіе единаго, Зенонъ же—несуществованіе многаго. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей находятъ у Зенона не только защиту, но и дальнѣйшее развитіе ученія Парменида ⁴⁾. Такъ, М. Мандесъ ⁵⁾ говоритъ: „Зенонъ, какимъ его изображаетъ Платонъ, нѣсколько излишне скромничаетъ. Его трудъ есть „помощь“ для Парменида не только въ томъ смыслѣ, что онъ даетъ новые аргументы, которыхъ не далъ Парменидъ; нѣтъ, давши глубокой анализъ тѣхъ основныхъ понятій, на которыхъ покоится зданіе Парменидовой онтологіи, онъ не только углубляетъ, но и расширяетъ ихъ, раскрываетъ то, что было неясно для творца, дѣлаетъ послѣдніе выводы и вызываетъ изъ скрытаго состоянія рядъ проблемъ, которыя были только намѣчены у основателя элеатскаго ученія“. Е. Дюрингъ ⁶⁾ говоритъ, что въ дока-

¹⁾ Soph. 215 A и Phaedr. 261 D См. А 1 и А 13. Вообще *остроту* мысли Зенона сопоставляютъ съ *глубиной* мысли Парменида.

²⁾ См. А 1 и А 10.

³⁾ См. А 1. Тимонъ называетъ Зенона двуязычнымъ вслѣдствіе его обыкновенія выводить изъ одной посылки два противорѣчивыхъ слѣдствія. Другое объясненіе прозвища см. А 15.

⁴⁾ Противоположный взглядъ, высказываемый въ ученой литературѣ: элейское ученіе было неспособно къ дальнѣйшему развитію и послѣ Парменида дѣятельность элейцевъ свелась къ опроверженію ученій другихъ школъ.

⁵⁾ И. с., стр. 219.

⁶⁾ E. Dühring. Kritische Geschichte d. Philosophie 1869, стр. 34.

зательствах Зенона элейская философія достигаетъ наивысшаго развитія, и находитъ въ нихъ такую степень абстракціи, какой греческая мысль никогда не въ состояніи была вновь но только достигнуть, но даже вполнѣ понять.

Зенонъ защищалъ ученіе Парменида доказательствомъ отъ противнаго: въ своихъ сочиненіяхъ онъ показывалъ, что допущеніе существованія многихъ вещей и движенія ведетъ къ противорѣчіямъ. Ему приписываютъ открытіе діалектическаго метода ¹⁾. Хотя и раньше встрѣчались образчики діалектическаго искусства (у Эпихарма и Парменида), однако, впервые Зенонъ положилъ прочное основаніе этому искусству: онъ первый сталъ исходить отъ предпосылокъ своихъ противниковъ, выводы изъ нихъ рядъ логическихъ слѣдствій и вскрывая такимъ образомъ заложенные въ нихъ противорѣчія. Древніе приписывали Зенону ²⁾ 40 доказательствъ для защиты Парменидова ученія о всеединствѣ (противъ множественности вещей) и 5 доказательствъ неподвижности сущаго (противъ движенія). Изъ этихъ доказательствъ Зенона дошло до насъ всего девять (у Аристотеля сохранилось 5, у Симплиція 3 и у Діогена 1). К. Прантль, Г. Риттеръ и П. Таннери полагаютъ, что сочиненіе Зенона было написано въ діалогической формѣ, Теннеманъ и Шнейдеръ вносятъ къ этому поправку, говоря, что Зенонъ, вѣроятно, не выводилъ разныхъ бесѣдующихъ лицъ, но просто онъ облакалъ свои мысли въ форму вопросовъ и отвѣтовъ.

Относительно характера аргуменговъ Зенона существуетъ разногласіе: одни называютъ ихъ софизмами, другіе паралогизмами (иногда дѣлая исключеніе для того или иного изъ нихъ) ³⁾, третьи считаютъ ихъ серьезными аргументами, имѣвшими значеніе въ той исторической обстановкѣ, въ которой они появились, наконецъ, четвертые признаютъ ихъ неопровержимыми доказательствами, сохраняющими свою силу и въ наше время. Между тѣмъ какъ Ренувье и Брошаръ находятъ, что четыре аргумента противъ движенія тѣсно связаны между собой и образуютъ одно цѣлое, Т. Гомперцъ полагаетъ, что различные аргументы Зенона совершенно исключаютъ другъ друга, покоятся на непримиримыхъ между собой точкахъ зрѣнія и въ сущности взаимно опровергаютъ другъ друга. Такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, въ одномъ аргументѣ противъ движенія Зенонъ соединяетъ непрерывность пространства съ отдѣльными единицами времени, въ другомъ же, наоборотъ, непрерывность времени съ отдѣльными единицами пространства. Тѣмъ не менѣе онъ находитъ у Зенона „серьезно

¹⁾ См. А 9 и 10.

²⁾ См. А 15.

³⁾ П. Дейссенъ считаетъ ошибочными всѣ аргументы, Дж. Льюисъ дѣлаетъ исключеніе только для „стрѣлы“; Дупан, считая „дихотомію“ безупречной, признаетъ „Ахиллеса“ софизмомъ; Ноёлъ считаетъ „дихотомію“ и „Ахиллеса“ паралогизмами (*petitio principii*), „стрѣлу“ же и „стадій“ безукоризненными доказательствами.

продуманную, не бесплодную критику существовавшего тогда и отчасти держащагося еще и понынѣ понятія матеріи“. Гегель говоритъ, что Зенонова діалектика матеріи „не опровергнута до сегодняшняго дня“ (ist bis auf heutigen Tag unwiderlegt) ¹⁾. Вл. Соловьевъ ²⁾ пишетъ: „Аргументы Зенона не суть софизмы, а указываютъ на дѣйствительныя противорѣчія въ понятіи вещества, пространства и времени“. Кн. С. Трубецкой ³⁾ полагаетъ, что съ аргументами Зенона „приходится считаться до сихъ поръ, такъ какъ они раскрываютъ... дѣйствительныя противорѣчія, связанныя съ нашими понятіями величины, множества, движенія, времени и пространства“. Выступаетъ въ защиту Зенона также Б. Рессель ⁴⁾, который, называя аргументы Зенона „тонкими и глубокими“, говоритъ: „Грубость послѣдующихъ философовъ объявила всѣ его аргументы софизмами, а его самого просто искуснымъ фокусникомъ (a mere ingenious juggler). Спустя два тысячелѣтія эти софизмы были восстановлены и сдѣлались основаніемъ математическаго возрожденія“, благодаря работамъ математика Вейерштрасса, показавшаго, что мы живемъ въ неизмѣняющемся мірѣ и что стрѣла въ каждый моментъ своего движенія, дѣйствительно, находится въ покоѣ. И В. Брошаръ считаетъ доказательства Зенона „безукоризненными“.

Доказательствъ противъ множественности вещей въ тѣсномъ смыслѣ слова дошло до насъ два. Это—такъ называемыя *первая и вторая антиноміи*. Первая антиномія ⁵⁾ сводится къ слѣдующему. Если допустить существованіе многихъ вещей, то окажется, что 1) онѣ вовсе не имѣютъ величины (тезисъ) и 2) онѣ безконечны по величинѣ (антитезисъ). Первая антиномія учитъ, что вещи, если ихъ много, по занимаемому ими пространственному протяженію равны одновременно и 0 и ∞ („и *безконечно малы* и *безконечно велики*“ не вполне точно передаетъ большинство историковъ). Аргументируетъ Зенонъ слѣдующимъ образомъ. *Тезисъ*: Множества вещей не было бы, если бы каждая вещь не была единицей, такъ какъ множество есть ничто иное, какъ совокупность единицъ. Однако, истинной единицы въ мірѣ не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое единица? Истинная единица есть то, что недѣлимо. Если единица недѣлима, то она есть точка, которая, будучи прилагаема, не увеличиваетъ и, будучи отнимаема, не уменьшаетъ, то-есть она не имѣетъ величины. А то, что не имѣетъ вовсе величины, плотности и объема, есть ничто. Итакъ, единица—ничто и сумма единицъ тоже ничто. *Антитезисъ*: Каждая изъ множества существующихъ вещей имѣетъ опредѣленную величину и разстояніе отъ другой вещи. То же самое придется сказать и о всякой дру-

¹⁾ Ц. с., стр. 312. Также Ф. Шнейдеръ (Philologus, 1873, стр. 641): „Зеноновы проблемы еще и теперь не нашли своего полного рѣшенія“.

²⁾ Статья о Зенонѣ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза.

³⁾ Исторія древней философіи, ч. I, стр. 110.

⁴⁾ В Russel. The principles of mathematics, v. I, 1903, стр. 347.

⁵⁾ См. А 21 и В 1.

гой вещи, лежащей передъ предыдущей. Какую бы вещь мы ни брали, она не будетъ послѣдней, такъ какъ въ понятіе вещи включена необходимость отстоянія отъ другой вещи. Въ какомъ бы направленіи мы ни двигались, указанное свойство вещей будетъ повторяться до безконечности и такимъ образомъ никогда мы не сможемъ дойти до предѣла, за которымъ болѣе не было бы вещей (это невозможно въ силу неотъемлемаго свойства вещей, логически неразрывно связаннаго съ ихъ множественностью). Итакъ, вещей безконечное число (ибо нѣтъ *послѣдней* вещи), а вслѣдствіе того, что каждая изъ нихъ отстоитъ отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи, онѣ должны занимать безконечное пространство ¹⁾.

Уже Эвдемъ замѣтилъ софистическій моментъ въ первой антиноміи (см. А 21). Въ тезисѣ Зенонъ ставитъ существованіе множественности въ зависимость отъ существованія единаго и опровергаетъ первое отрицаніемъ второго. Также Сенека указываетъ (см. тамъ же), что, если вѣрить Пармениду, то не существуетъ ничего, кромѣ одного; если Зенону, то не существуетъ даже одного, нѣтъ ничего. Дѣйствительно, эта аргументація столь же задѣваетъ противниковъ, сколько и основоположеніе самого элейскаго ученія. Софистическій моментъ антитезиса заключается въ отрицаніи у бытія предѣла, вопреки элейскому ученію.

Пытаясь исключить софистическій моментъ изъ доказательства Зенона, П. Таннери ²⁾ возстанавливаетъ первую антиномію иначе. Онъ полагаетъ, что Зенонъ отрицаетъ здѣсь не единое вообще, но единое, какъ результатъ дѣленія ³⁾. „Зенонъ вовсе не доказываетъ, чтобы вещи были одновременно безконечно велики и безконечно малы. Въ дѣйствительности онъ приводитъ своего собесѣдника къ дилеммѣ: Допустивъ возможность безконечнаго дѣленія (дихотомическаго), какъ очевидную, онъ легко устанавливаетъ, что это дѣленіе будетъ давать постоянно части все болѣе и болѣе малыя, такъ что уменьшенію не будетъ предѣла. А потому, если есть конечный элементъ, онъ не имѣетъ абсолютно никакой величины. Это подтверждается еще и тѣмъ, что только въ такомъ случаѣ послѣдующее дѣленіе невозможно, такъ какъ въ элементѣ уже нѣтъ отдѣльныхъ частей. Онъ окончательно приведенъ къ одной точкѣ. Сложеніе этихъ не имѣю-

¹⁾ Нѣсколько иначе излагаетъ антитезисъ Б. Баухъ (*Das Substanzproblem in d. griech. Philosophie bis zur Blütezeit*, 1910, стр. 54—55), по мнѣнію котораго удареніе въ доказательствѣ падаетъ на „разстояніе между вещами“. Между однимъ бытіемъ и другимъ, чтобы они могли быть отличаемы другъ отъ друга, должно находиться нѣчто третье, равнымъ образомъ между этимъ третьимъ и тѣми, и такъ далѣе до безконечности. Поэтому, если бытіе множественно, то оно безконечно велико. Однако, это доказательство—антитезисъ второй антиноміи, который Б. Баухъ ошибочно соединяетъ съ тезисомъ первой антиноміи.

²⁾ Стр. 244.

³⁾ Такое пониманіе происхожденія этихъ не имѣющихъ величины единицъ у Зенона впервые далъ Порфирій. Противъ этого F. Schneider. *Zeno aus Elea* (Philologus, 1876, стр. 616).

щихъ величины элементовъ, сколько бы ихъ ни было, можетъ дать только не имѣющую величины сумму. Однако (вторая часть дилеммы), противникъ можетъ утверждать, что дѣленіе будетъ постоянно давать части, имѣющія нѣкоторую величину, а потому и конечный элементъ будетъ ее имѣть. Но такъ какъ дѣленіе бесконечно, то бесконечно и число элементовъ, а потому дѣлимая вещь бесконечно велика. Въ общемъ Зенонъ неопровержимо доказываетъ, что цѣлое (т. е. дѣлимое до бесконечности) нельзя понимать какъ сумму недѣлимыхъ элементовъ по усвоенному пифагорейцами ходячему мнѣнію. Ибо, если эти элементы не имѣютъ величины, сумма ихъ не можетъ ее имѣть. Напротивъ, если они имѣютъ величину, то сумма ихъ бесконечно велика, такъ какъ число ихъ бесконечно“. Такимъ образомъ П. Таннери предполагаетъ, что какъ тезисъ, такъ и антитезисъ первой антиноміи исходятъ изъ (дихотомическаго) дѣленія, о чемъ, однако, наши источники прямо не говорятъ.

Вл. Соловьевъ при изложеніи этого доказательства въ сущности отбрасываетъ тезисъ и развиваетъ антитезисъ въ антиномію. А именно, онъ приписываетъ Зенону слѣдующую антиномію. Каждая изъ частей сущаго оказывается заразъ и бесконечно-малой и бесконечно-великой. А именно, *имѣя вѣтъ себя* бесконечное множество всѣхъ прочихъ частей, она составляетъ бесконечно-малую частицу всего; но, съ другой стороны, *слагаясь сама* изъ бесконечнаго множества частицъ, она представляетъ величину бесконечно-великую. Примыкая отчасти къ Вл. Соловьеву, кн. С. Трубецкой даетъ слѣдующую остроумную реконструкцію первой антиноміи. Если вещей много, то онѣ вмѣстѣ бесконечно малы и бесконечно велики. „Всякая вещь состоитъ изъ частей, всякая часть изъ другихъ частей, и такъ далѣе до бесконечности. При этомъ каждая часть отдѣлена чѣмъ-то „сущимъ“ отъ другихъ“. Какія же слѣдствія вытекаютъ отсюда? Во-первыхъ, вещей бесконечное множество (такъ какъ сущее дѣлимо до бесконечности), и, во-вторыхъ, каждая вещь занимаетъ бесконечное пространство (вслѣдствіе бесконечности своихъ частей). Каждая вещь (какъ и любая часть ея) оказывается бесконечно великой по протяженію, сущее же, какъ совокупность всѣхъ вещей, будетъ бесконечнымъ множествомъ бесконечно большихъ пространственныхъ величинъ. Съ другой стороны, каждая частица бесконечно мала, такъ какъ она отдѣлена отъ всякой другой частицы бесконечнымъ множествомъ частицъ. Если отдѣлить ее отъ всѣхъ другихъ частицъ, то она сама вовсе не будетъ имѣть частей и величины.

П. Дейссенъ „исправляетъ“ первую антиномію Зенона слѣдующимъ образомъ. Тѣло, состоящее изъ множества частицъ, было бы 1) бесконечно-малымъ и 2) бесконечно-большимъ. Оно было бы бесконечно-малымъ, такъ какъ его можно дѣлить до бесконечности: оказывается, что тѣло состоитъ изъ суммы бесконечно-малыхъ частицъ; сумма же бесконечно малыхъ частицъ можетъ дать лишь бесконечно-малое. Тѣло было бы бесконечно-большимъ, такъ какъ при непрерывномъ дѣленіи мы получимъ, наконецъ, бесконечно много частицъ; если изъ послѣднихъ мы станемъ

слагать тѣло, то, сколько бы ихъ мы ни взяли, всегда будетъ оставаться еще безконечное множество ихъ; такимъ образомъ вслѣдствіе того, что число ихъ неисчерпаемо, мы можемъ увеличивать тѣло до безконечной величины. По Дейссену, Зенонъ здѣсь изолируетъ моменты, которые неразрывно связаны между собой: возрастающую малость и возрастающее количество частей.

Переходимъ ко *второй антиноміи* Если допустить существованіе многихъ вещей, то окажется, что 1) вещей конечное число (тезисъ) и 2) вещей безконечное число (антитезисъ) Ходъ аргументаціи сводится къ слѣдующему. *Тезисъ*: Если существуетъ множество вещей, то ихъ столько, сколько есть, не больше и не меньше. Слѣдовательно, онѣ существуютъ въ опредѣленномъ (ограниченномъ) количествѣ. *Антитезисъ*: Если вещей много, то ихъ должно быть безконечное число. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ существованіе только *двухъ* вещей. Между двумя вещами необходимо должна лежать какая-либо третья вещь, ихъ раздѣляющая, между послѣдней и первыми опять новыя вещи, и такъ далѣе до безконечности. Въ противномъ случаѣ, двѣ смежныя вещи слились бы въ единство, образовывали бы одну вещь (а не двѣ). Такимъ образомъ двухъ не существуетъ безъ трехъ, трехъ безъ пяти, пяти безъ девяти и такъ далѣе до безконечности (такъ какъ число раздѣляющихъ вещей оказывается равнымъ безконечному ряду 1, 2, 4, 8, 16 и т. д.)¹⁾.

Въ первой и второй антиноміи Зенонъ разсматриваетъ понятія единицы, конечнаго количества и количественной безконечности. Діалектика числа у Зенона даетъ слѣдующіе результаты: единица=нулю, нуль = безконечности, конечное количество (два) = безконечному, часть = цѣлому. Такимъ образомъ понятіе числа противорѣчиво, его примѣненіе незаконномѣрно съ точки зрѣнія разума, число должно быть отнесено къ области мнѣнія и иллюзіи. О первой антиноміи говоритъ Т. Гомперцъ²⁾: „Предпосылки этой аргументаціи не такъ ужъ произвольны, какъ это кажется на первый взглядъ... Первая часть доказательства опирается на предпосылку абсолютной единицы, вторая на предпосылку абсолютной множественности“. Ошибку Зенона онъ видитъ въ томъ, что Зенонъ относительныя понятія единства и множественности считалъ понятіями абсолютными.

Въ первой антиноміи Зенона понятіе числа (единицы и безконечности) разсматривается въ связи съ пространствомъ. Хотя наши источники ничего не говорятъ, однако, въ духѣ Зенона можетъ быть сдѣланъ также переводъ ариеметическихъ понятій второй антиноміи на геометрическіе термины. Если первая антиномія учила, что сущее не имѣетъ вовсе пространственнаго протяженія и въ то же время безконечно-велико по про-

¹⁾ Антитезисъ второй антиноміи не точно излагаетъ Л. Штрюмпель: Чтобы быть множественнымъ, сущее должно быть разложимымъ на части. Дѣленіе же идетъ въ безконечность. Однако, въ нашемъ антитезисѣ рѣчь идетъ не о дѣлимости сущаго, а о раздѣльности вещей, которыя сами по себѣ разсматриваются какъ цѣлыя единицы.

²⁾ Стр. 175—176.

тяженію, то вторая антиномія могла бы сказать, что сущее обладает одновременно и конечнымъ и безконечнымъ протяженіемъ ¹⁾. Конечный результатъ этой діалектики пространства: пространственный нуль (точка) = безконечно большому пространству = конечному пространству. Такимъ образомъ діалектика Зенона разрушаетъ понятіе пространства наравнѣ съ понятіемъ числа. Въ этомъ опять мы видимъ софистическій моментъ его аргументовъ. „Основные идеи элейцевъ, понятія единства, протяженности, реальности, сами были поколеблены или, лучше сказать, разрушены этой критикой“, справедливо говоритъ Г. Гомперць (стр. 179) объ аргументахъ Зенона.

Противъ пространства Зенонъ даетъ и специальное доказательство. Все существующее находится гдѣ-нибудь, то-есть въ пространствѣ. А если такъ, то и само пространство, чтобы существовать, тоже должно находиться гдѣ-нибудь, т. е. въ другомъ пространствѣ. Это второе пространство въ свою очередь должно находиться въ третьемъ пространствѣ, третье въ четвертомъ и такъ далѣе. Такимъ образомъ получимъ пространство пространства и т. д. до безконечности. Слѣдовательно, приходится или признать безконечное число пространствъ, заключенныхъ одно въ другомъ, или же совѣтъ отрицать существованіе пространства. В. Виндельбандъ и Дж. Бернетъ находятъ въ этомъ доказательствѣ отрицаніе лишь пустаго пространства, а не пространственного бытія вообще. Дѣйствительно, приведенный аргументъ отвергаетъ только существованіе пространства, какъ чего-то отличнаго отъ заключенной въ немъ матеріи, между тѣмъ Парменидъ отождествлялъ матерію и пространство. Однако, этотъ аргументъ легко можетъ быть обращенъ и противъ элейской точки зрѣнія съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ этомъ случаѣ вмѣстѣ съ пространствомъ будетъ отвергнуто и существованіе матеріи ²⁾.

Какъ аргументъ противъ пространства, такъ и аргументъ противъ истинности чувственного воспріятія *implicite* заключаютъ въ себѣ опроверженіе множественности вещей. Аргументъ противъ реальности чувственного воспріятія извѣстенъ подъ названіемъ „пшенинаго зерна“. Въ бесѣдѣ съ Протагоромъ Зенонъ указываетъ, что между тѣмъ какъ ни одно цѣлое зерно, ни одна десятитысячная часть зерна при паденіи не издають звука, медимнъ пшенина падая производитъ шумъ. *Такъ кажется намъ* согласно свидѣтельству ви́шнихъ чувствъ; однако, разумъ требуетъ, чтобы мы приняли что-либо одно: или и одно зерно и одна десятитысячная часть зерна при паденіи тоже издають звукъ, или и медимнъ пшенина не производитъ шума. Въдъ, въ противномъ случаѣ, мы получимъ, что сумма нулей равна не нулю, а нѣкоторой положительной величинѣ ³⁾.

¹⁾ П. Таннери прямо понимаетъ вторую антиномію геометрически (см. ниже В 1).

²⁾ Возраженія противъ этого доказательства Аристотеля и Эвдема мы приводимъ ниже въ переводѣ (см. А 24).

³⁾ Такимъ образомъ по способу аргументаціи это доказательство напоминаетъ тезисъ первой антиноміи.

М. Мандесъ исправляетъ аргументъ „пшеннаго зерна“, дѣлая его иллюстраціей первой антиноміи. Онъ излагаетъ его слѣдующимъ образомъ. Если любая часть зерна звучитъ, то совокупность звуковъ, производимыхъ медимномъ зерна, будетъ безконечно великой; если же ни зерно, ни десяти тысячная часть зерна не звучатъ, то не будетъ звучать и медимнъ.

Аргументъ „пшеннаго зерна“ опровергаетъ Аристотель въ „Физикѣ“¹⁾, говоря, что одно зерно не въ состояніи привести въ движеніе того количества воздуха, которое приводится въ движеніе паденіемъ цѣлаго медимна пшена.

Наибольшей извѣстностью пользовались всегда Зеноновы доказательства противъ движенія, которыхъ до насъ дошло пять: 1) доказательство общаго характера, 2) „дихотомія“, 3) „Ахиллесъ“, 4) „стрѣла“ и 5) „стадій“. Первое доказательство противъ движенія²⁾ весьма кратко: „Движущійся предметъ не движется ни въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, ни въ томъ, гдѣ его нѣтъ“. На вопросъ, гдѣ происходитъ движеніе, должно отвѣтить: нигдѣ, такъ какъ тѣло не можетъ двигаться тамъ, гдѣ его нѣтъ; съ другой стороны, занимая всегда пространство, равное своему объему, оно не можетъ двигаться въ этомъ мѣстѣ, по покоится въ немъ.

Сущность доказательства, извѣстнаго подъ названіемъ „дихотоміи“, сводится къ признанію невозможности движенія на томъ основаніи, что движущійся предметъ, прежде чѣмъ достигнуть какого-либо мѣста, долженъ предварительно пройти половину пути, половину половины и такъ далѣе до безконечности. Невозможно пройти безконечное въ конечное время. Какъ указываетъ М. Мандесъ, аргументація здѣсь обрывается, далѣе можно продолжать двояко. Въ самомъ дѣлѣ, доказательство въ своей полной формѣ могло говорить или 1) что движеніе *не можетъ закончиться* (никогда не будетъ достигнуть конечный пунктъ, такъ какъ, сколько бы къ нему ни приближаться, всегда будетъ какой-либо остатокъ: проходя послѣдовательно половину пути половину оставшейся половины и т. д. до безконечности, движущійся предметъ будетъ послѣдовательно отстоять отъ цѣли движенія на $\frac{1}{2}, \frac{1}{4}, \frac{1}{8}, \frac{1}{16}, \frac{1}{32} \dots \frac{1}{2^n}$ первоначальнаго разстоянія, но конечный пунктъ будетъ оставаться всегда недостижимымъ) или 2) движеніе *не можетъ начаться*, такъ какъ предметъ не можетъ достигнуть никакого пункта, не пройдя предварительно безконечнаго числа промежуточныхъ мѣстъ (чтобы пройти весь путь, онъ долженъ сначала пройти половину его; чтобы пройти эту половину, ему необходимо сперва пройти четверть; вообще прохожденіе $\frac{1}{4}, \frac{1}{8}, \frac{1}{16}, \dots \frac{1}{2^n}$ пути требуетъ предварительнаго преодоленія $\frac{1}{8}, \frac{1}{16}, \frac{1}{32} \dots \frac{1}{2^n}$ пути)³⁾.

¹⁾ См. А 29.

²⁾ См. В 4.

³⁾ Е. Dühring (Krit. Geschichte d. Philos., 1869, стр. 46—47) говорить, что „дихотомія“ безъ всякаго измѣненія могла бы быть использованной элеатами для доказатель-

Аристотель ¹⁾ усматриваетъ ошибку этого доказательства въ смѣшеніи бесконечно-дѣлимаго съ бесконечно-большимъ. И время, возражаетъ онъ, тоже бесконечно-дѣлимо. Конечное, но бесконечно-дѣлимое пространство проходитъ въ конечный бесконечно-дѣлимый промежутокъ времени. Доказательство, по мнѣнію Аристотеля, построено на предпосылкѣ невозможности въ конечное время пройти бесконечное пространство, и Аристотель, не отвергая этой предпосылки, указываетъ лишь, что, хотя пространство бесконечно-дѣлимо *въ возможности*, однако, *въ действительности* оно въ каждомъ своемъ отрѣзкѣ не состоитъ изъ бесконечнаго числа частей, съ другой же стороны время столь же бесконечно дѣлимо, какъ и пространство, такъ что бесконечная дѣлимость времени покрываетъ собой бесконечную дѣлимость пространства (въ этомъ видитъ рѣшеніе проблемы также Лейбницъ). И въ наше время многіе считаютъ критику Аристотеля справедливой и вмѣстѣ съ нимъ видятъ основную ошибку доказательства въ отождествленіи бесконечной дѣлимости и бесконечной величины. Такъ, по поводу приведеннаго доказательства Т. Гомперцъ говоритъ, что бесконечная дѣлимость и бесконечная величина—два совершенно различныхъ понятія: конечная величина можетъ быть дѣлимой до бесконечности; Зенонъ-де выдвигаетъ проблему отношенія бесконечнаго ряда къ конечной величинѣ. Также ф. Арнимъ говоритъ, что Зенонъ смѣшиваетъ количественную бесконечность съ дистрибутивной. И П. Дейсенъ присоединяется къ мнѣнію Аристотеля.

Однако, эта критика не затрагиваетъ существа Зенонова доказательства. Послѣднее (какъ и рядъ другихъ его аргументовъ) покоится на *невозможности представить себѣ законченной бесконечность*. Пусть время и пространство одинаково бесконечно дѣлимы: переходъ отъ одного пункта къ другому дѣлается черезъ это *вдвойню* неосуществимымъ. Мы получаемъ бесконечное количество пространственныхъ точекъ, съ одной стороны, моментовъ времени, съ другой. Но мысль не можетъ представить себѣ *законченность бесконечнаго*: непонятно, какъ можетъ быть осуществлено бесконечное число актовъ движенія, какъ можетъ быть послѣдовательно быть занятымъ бесконечное число положеній въ пространствѣ и какъ можетъ, наконецъ, притти къ концу бесконечное число моментовъ времени. Поэтому, разсматриваемое нами доказательство Зенона скорѣе лишь упрощаетъ условія реализаціи движенія, выдвигая лишь одинъ моментъ—бесконечную дѣлимость пространства.

Съ другой точки зрѣнія критикуетъ возраженіе Аристотеля П. Бейль ²⁾,

ства несуществованія времени: невозможенъ переходъ отъ одного момента времени къ другому, ихъ раздѣляетъ такая же пропасть, какая лежитъ между двумя точками пространства.

¹⁾ См. А 25.

²⁾ P. Bayle. Dictionnaire, t. IV, стр. 1264 слѣд.

который называет это возраженіе „жалкимъ“ ¹⁾, доказательство же Зенона считаетъ вполне правильнымъ. Онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Во всякомъ движеніи есть *terminus a quo* (отправной пунктъ) и *terminus ad quem* (конечный пунктъ). Эти два термина отдѣлены пространствомъ, заключающимъ въ себѣ безконечное число частей. Итакъ, чтобы достигнуть конечнаго пункта, необходимо послѣдовательно пройти безконечное число мѣстъ. Ихъ можно было бы пройти лишь въ безконечное число моментовъ времени. Однако, сущность времени, въ отличіе отъ пространства, заключается въ томъ, что никакія части его *не могутъ существовать*. Между тѣмъ какъ футъ матеріи безконечно дѣлимъ (и, слѣдовательно, *дѣйствительно* содержитъ въ себѣ безконечное число частей), часъ времени (годъ, столѣтіе и т. п.) конеченъ, такъ какъ, если бы въ часѣ времени было безконечное число частей, онъ никогда не могъ бы ни начаться, ни окончиться ²⁾.

Софистическій моментъ въ этомъ доказательствѣ Зенона заключается въ томъ, что тѣмъ же самымъ умозаключеніемъ опровергается и самая возможность безконечнаго дѣленія конечной величины. Невозможно, чтобы въ конечномъ заключалось безконечно-многое,—это положеніе, во имя котораго признается недопустимымъ результатъ, есть, однако, предпосылка всего построенія.

Наибольшей славой пользовался всегда третій аргументъ противъ движенія—„Ахиллесъ“ ³⁾. Самое быстрое никогда не нагонитъ самаго медленнаго. Быстроногій Ахиллесъ не можетъ догнать черепахи, такъ какъ каждый разъ, когда онъ достигаетъ занимаемаго ею мѣста, черепаха успѣваетъ нѣсколько подвинуться впередъ. Такимъ образомъ, чтобы настичь черепаху, Ахиллесу необходимо занять безконечное множество мѣстъ, которыя занимала черепаха. По мнѣнію Аристотеля, этотъ аргументъ есть иная форма перваго аргумента (различіе онъ усматриваетъ лишь въ способѣ дѣленія, которое въ „Ахиллесѣ“ не дихотомическое). Э. Целлеръ различіе ихъ видитъ въ томъ, что въ первомъ аргументѣ конечный пунктъ

¹⁾ Еще рѣзче Е. Дюрингъ, который говоритъ, что возраженіе Аристотеля, не давая дѣйствительнаго опроверженія, обнаруживаетъ лишь недостатокъ надлежащаго пониманія аргументовъ Зенона.

²⁾ Это разсужденіе П. Бейля о природѣ времени повторяетъ В. Petronievics. *Zenos Beweise gegen die Bewegung* (Archiv f. Gesch. d. Philos., XX Bd., 1907, стр. 58), который разсматриваетъ всѣ Зеноновы аргументы противъ движенія съ точки зрѣнія финитизма (отрицанія безконечной дѣлимости пространства и времени) и предлагаетъ доктрину дуалистическаго финитизма (время и пространство состоятъ изъ точекъ двоякаго рода—реальныхъ, или наполненныхъ, и ирреальныхъ, или пустыхъ).

³⁾ Этотъ аргументъ Диогенъ Лаэртій приписываетъ самому Пармениду (см. 18 А 1). По поводу этого доказательства напомнимъ, что и Лейбницъ считалъ понятіе болѣе быстрого движенія противорѣчивымъ. Вообще аргументъ „Ахиллесъ“ всегда привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе. С. Ruelle (*L'argument d'Achille* въ *Revue de philologie* 1907) приводитъ комментарий къ нему Θεодора Метохита (XIV в.) и первое математическое рѣшеніе проблемы, которое далъ въ XVII в. Григорій de Saint-Vincent.

остаётся неизмѣннымъ, во второмъ же онъ подвиженъ. Большинство полагаетъ, что „Ахиллесъ“ основанъ на томъ же, что и „дихотомія“: оба эти аргумента доказываютъ, что, если есть движеніе, то движущійся предметъ долженъ въ конечное время овладѣть безконечнымъ пространствомъ. Такъ, Аристотель даетъ критику „Ахиллеса“, тождественную съ критикой „дихотоміи“: Зенонъ-де смѣшиваетъ безконечную дѣлимость съ безконечной величиной; безконечная дѣлимость времени покрываетъ собой безконечную дѣлимость пространства. И въ новое время многіе присоединяются къ критикѣ Аристотеля: такъ, Т. Гоббсъ, Дж. Ст. Милль ¹⁾ и Дж. Льюисъ также видятъ ошибку Зенона въ отождествленіи безконечной дѣлимости съ безконечной величиной.

Анализируя доказательство „Ахиллесъ“ и вышеприведенный отвѣтъ на него, Ибервегъ ²⁾ находитъ, что и то и другое логически несостоятельно, потому что оба они доказываютъ *слишкомъ мало* въ сравненіи съ тѣмъ, что хотятъ доказать. Что касается отвѣта на Зеноновъ аргументъ, то недостаточно простой ссылки на параллелизмъ безконечной дѣлимости пространства и времени. Вѣдь Зенонъ могъ бы отвѣтить, что *какъ разъ въ силу этого параллелизма Ахиллесъ не догонитъ черепахи ни въ какое время и ни въ какомъ мѣстѣ*. Съ другой стороны, и аргументъ Зенона доказываетъ слишкомъ мало: онъ доказываетъ только, что, если обѣ скорости относятся, какъ $n:1$, то встрѣча не можетъ произойти внутри слѣ-

дующаго ряда частей времени и частей пути: $1 + \frac{1}{n} + \frac{1}{n^2} + \frac{1}{n^3} + \frac{1}{n^4} + \dots$

Между тѣмъ вмѣсто: „внутри этого ряда“ Зенонъ говоритъ: „никогда и нигдѣ“. Право на это Зенонъ имѣлъ бы только въ томъ случаѣ, если бы раньше онъ доказалъ, что сумма этого ряда безконечна. Но этого доказать невозможно, такъ какъ ложно то, что требуется доказать. Напротивъ, съ математическою точностью можно доказать противоположное, а именно что сумма этого ряда—и при безконечномъ продолженіи его—не превыситъ опредѣленной конечной величины (именно $\frac{n}{n-1}$). О математической

сторонѣ вопроса мы выскажемся ниже, здѣсь же замѣтимъ, что Ибервегъ справедливо указываетъ на неудовлетворительность ходячаго возраженія на аргументъ „Ахиллесъ“, видящаго въ немъ alter ego аргумента „дихотоміи“. На самомъ же дѣлѣ, въ отличіе отъ „дихотоміи“ „Ахиллесъ“ предполагаетъ одинаково безконечно-дѣлимыми какъ пространство, такъ и время ³⁾: онъ поднимаетъ ту же проблему, но въ болѣе *усложненномъ*

¹⁾ Дж. Ст. Милль дважды возвращается къ этому вопросу въ „Системѣ Логикѣ“ (стр. 743—744, пер. В. Иванова, II изд.) и въ Examination of SWH's philosophy (стр. 533).

²⁾ Fr. Ueberweg, System d. Logik, I Aufl., S. 409—411.

³⁾ Если бы время не было безконечно-дѣлимымъ, то былъ бы положенъ предѣлъ движенію черепахи; скорѣе въ безконечной дѣлимости времени—суть аргумента „Ахиллесъ“.

видѣ. На это усложненіе вопроса обращаетъ вниманіе Шнейдеръ (стр. 625 ц. с.), который говоритъ, что, вводя два движущихся тѣла, Зенонъ хотѣлъ указать новую трудность. То, что движется непрерывно, *должно подвигаться и въ самый малый промежутокъ времени*. Ахиллесу нужно нѣкоторое время, чтобы пройти разстояніе, опредѣляющее его отъ черепахи, но, такъ какъ черепаха движется непрерывно, то ему опять нужно будетъ нѣкоторое время для преодоленія новаго разстоянія, и такъ далѣе до бесконечности, такъ какъ вслѣдствіе безостановочнаго движенія черепахи разстояніе между ними никогда не станетъ нулемъ. Ахиллъ смогъ бы настигнуть черепаху только въ томъ случаѣ, если бы ему удалось пробѣжать въ бесконечно-малый промежутокъ времени не бесконечно-малое разстояніе. Дѣйствительно, главная трудность аргумента „Ахиллесъ“ заключается въ непонятности, какъ возможно преодоленіе того бесконечно-малаго пространства, которое всегда будетъ отдѣлять Ахиллеса и черепаху, и, какъ справедливо указываетъ Шнейдеръ, рѣшеніе вопроса требуетъ нарушенія параллелизма бесконечно-дѣлимыхъ пространства и времени: Ахиллесъ настигнетъ черепаху, если въ бесконечно-малый промежутокъ времени онъ пройдетъ не бесконечно-малое разстояніе. Но это противорѣчитъ нашему убѣжденію, что движеніе требуетъ времени. Итакъ, остается выборъ между *безвременнымъ движеніемъ* и *движеніемъ безконечнымъ*.

Четвертое доказательство противъ движенія — „стрѣла“ утверждаетъ: Летящая стрѣла покоится ¹⁾. Въ основѣ этого доказательства лежала предпосылка, что время есть сумма моментовъ, а пространство—сумма точекъ. Это доказательство могло имѣть двоякую форму, смотря по тому, указывалось ли на то, что стрѣла постоянно находится *въ одномъ мѣстѣ* или *въ одномъ моментѣ времени* (первую форму съ различными видоизмѣненіями принимаютъ Оемистій, Целлеръ, Шнейдеръ, Дильсъ, Ренувье, вторую Брошаръ) ²⁾.

Первая форма. Въ каждомъ пунктѣ пути летящая стрѣла занимаетъ одно опредѣленное мѣсто, равное своему объему. Двигаться же невозможно, если занимать равное себѣ мѣсто (ибо для движенія предметъ нуждается въ пространствѣ, большемъ себя). Если же въ каждомъ пунктѣ пути тѣло находится въ покоѣ, то движеніе тѣла слагается исключительно изъ состояній покоя. Итакъ, рядъ состояній покоя вмѣстѣ образуютъ движеніе (сумма нѣсколькихъ, такъ сказать, нулей движенія даетъ нѣкоторую положительную величину) ³⁾.

¹⁾ См. А 27. Этому аргументу посвятилъ статью В. П. Сватковскій („Парадокъ Зенона о летящей стрѣлѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1888, апрѣль), который прилагаетъ къ своему изслѣдованію синоптическую таблицу всѣхъ относящихся сюда текстовъ.

²⁾ Форма доказательства, предложенная Брошаромъ, предпочтительнѣе, такъ какъ при ней текстъ Аристотеля остается неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ общепринятая первая форма требуетъ внесенія въ текстъ поправки.

³⁾ Этотъ недѣльный выводъ устраняется, если вмѣстѣ съ Лейбницемъ считать покой лишь бесконечно-малымъ движеніемъ.

Вторая форма. Летящая стрѣла покоится, такъ какъ она всегда находится въ одномъ какомъ-нибудь (настоящемъ каждый разъ) моментѣ времени. Моментъ времени недѣлимъ, и потому въ теченіе его стрѣла не можетъ измѣнить своего положенія: въ противномъ случаѣ, моментъ времени оказался бы раздѣленнымъ соотвѣтственно двумъ положеніямъ стрѣлы въ этотъ моментъ. А такъ какъ время состоитъ только изъ отдѣльныхъ моментовъ, то движущійся предметъ всегда находится въ покоѣ.

Аристотель ошибку этого доказательства видитъ въ допускаемой предпосылкѣ, что время слагается изъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ моментовъ, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, время—величина непрерывная. Аристотелю возражаетъ П. Бейль, который излагаетъ аргументъ Зенона слѣдующимъ образомъ. Стрѣла заразъ и покоится и движется: въ каждый отдѣльный моментъ времени она покоится, въ нѣсколько же такихъ моментовъ она передвинулась. Слѣдовательно, движеніе противорѣчиво. Съ одной стороны, тѣло не можетъ одновременно находиться въ двухъ мѣстахъ; съ другой стороны, двѣ части времени не могутъ сосуществовать совмѣстно. Вся сила Зенонова доказательства въ правильномъ, по мнѣнію Бейля, положеніи, что нѣтъ ни малѣйшей части времени, которая могла бы сосуществовать съ другой его частью; отсюда-де слѣдуетъ, что время не можетъ быть дѣлимо до безконечности, по оно слагается изъ недѣлимыхъ моментовъ.

Съ иной, нежели Аристотель, точки зрѣнія возражаетъ Зенону Эвеленъ. Если пустого пространства не существуетъ, то элементарное движеніе должно сильно отличаться отъ видимаго нами эмпирическаго движенія. Движущееся тѣло не раньше уходитъ изъ одного пункта пространства и не затѣмъ прибываетъ въ слѣдующій пунктъ, но то и другое совершается одновременно безо всякаго промежутка времени между ними. При переходѣ съ одного мѣста на другое „уйти отсюда“, „прибыть туда“ и „находиться тамъ“ суть лишь различныя обозначенія абсолютно одного и того же факта, а не различныхъ моментовъ его (поскольку, конечно, дѣло касается элементарнаго движенія). Для состоянія же покоя нужны, по крайней мѣрѣ, два момента пребыванія на одномъ мѣстѣ.

Интересное рѣшеніе проблемы предлагаетъ Дюрингъ. Слѣдуетъ отличать математическую точку, не имѣющую вовсе протяженія, отъ имѣющей измѣренія точки (въ несобственномъ смыслѣ слова) пространства; равнымъ образомъ необходимо отличать временную точку, какъ не имѣющую вовсе длительности границу времени, отъ весьма малой частицы времени. Наконецъ, должно отъ понятій покоя и движенія отличать нейтральное (индифферентное) состояніе. Точка *покоится*, если она въ теченіе нѣкотораго времени находится на одномъ и томъ же мѣстѣ. Покой есть *длящаяся* пребываніе на одномъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ временная длительность является необходимой предпосылкой для понятія движенія (такъ какъ при движеніи точка занимаетъ различныя мѣста). Если же мы возьмемъ мгновенное состояніе тѣла, т. е. состояніе безвременное (безъ всякой дли-

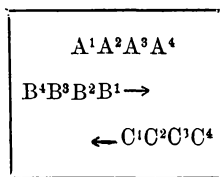
тельности), то оно будетъ одинаковымъ какъ для движущейся, такъ и для покоящейся точки. Математической временной точкѣ соответствуетъ вполне опредѣленная ситуация и конфигурація всѣхъ точекъ пространства, находятся ли онѣ въ состояніи покоя или движенія (въ этомъ доказательство Зенона правильно). Это нейтральное состояніе имѣетъ всякая точка во всякое время, но это не есть нѣчто третье наряду съ состояніями покоя и движенія, но оно находится *надъ* ними или *въ* нихъ. Ошибка Зенона въ томъ, что онъ отождествляетъ это нейтральное состояніе съ покоемъ и считаетъ его несомвѣстимымъ съ движеніемъ.

В. Сватковскій считаетъ неудовлетворительнымъ обычное пониманіе аргумента „стрѣлы“, по которому здѣсь рѣчь идетъ о многихъ моментахъ времени: въ каждый отдѣльный моментъ стрѣла находится неподвижно на равномъ себѣ мѣстѣ, такъ какъ-де малѣйшее передвиженіе потребовало бы нѣкотораго перемѣщенія будущаго въ прошедшее (даннаго момента было бы уже недостаточно). По мнѣнію В. Сватковскаго, Зенонъ здѣсь не становится на общепринятую точку зрѣнія, но имѣетъ въ виду лишь *единный безвременный мигъ*, единое непрерывное настоящее элейской школы. Это настоящее *есть всегда*, и потому движущійся предметъ всегда неподвиженъ. Однако, если согласиться съ В. Сватковскимъ, то аргументъ Зенона не дастъ ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ отрицаніемъ движенія, которое находится въ поэмѣ Парменида.

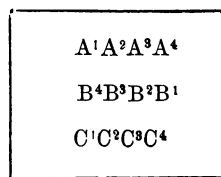
Отмѣтимъ еще пониманіе аргумента, предлагаемое Гегелемъ. Летящая стрѣла находится всегда въ опредѣленномъ „теперь“ и „здѣсь“. „Теперь“, какъ таковое, равно себѣ; равно себѣ также „здѣсь“, какъ таковое. Если же во всѣхъ „теперь“ (и во всѣхъ „здѣсь“) нѣтъ никакого различія, то летящая стрѣла находится въ состояніи, чуждомъ различій, т. е. покоится.

Пятое возраженіе противъ движенія — „стадій“¹⁾. Съ противоположныхъ сторонъ движутся по параллельнымъ линіямъ съ равною скоростью равныя массы и проходятъ мимо неподвижной третьей массы такой же длины. Оказывается, что одна и та же точка, движущаяся съ одной и той же скоростью, пробѣгаетъ одно и то же разстояніе не въ одинаковое время, но и въ половинное время и въ двойное, смотря по тому, съ какого пункта мы будемъ наблюдать это движеніе. Такимъ образомъ получаемъ нелѣпное слѣдствіе: половина равна цѣлому. Т. Гомперцъ, переводя

¹⁾ См. А 28. Приводимъ для оріентировки фигуры:

Начало движенія.

Конецъ движенія.

аргументъ на современный языкъ, излагаетъ его слѣдующимъ образомъ: „На трехъ параллельныхъ путяхъ находятся три поѣзда одинаковой длины. Первый (А) находится въ движеніи; второй (В) стоитъ неподвижно; третій (С) движется въ противоположномъ направленіи съ такой же быстротой, какъ А. Ясно, что время, которое нужно А для того, чтобы дойти до конца В, будетъ вдвое длиннѣе по сравненію съ тѣмъ, что ему нужно, чтобы дойти до конца одинаково длиннаго С“. Конечный результатъ: „Движущаяся масса проходитъ одинъ и тотъ же путь и въ продолженіи всего, и въ продолженіи половины даннаго времени“.

Противъ „стадія“ Аристотель возражаетъ, указывая на различіе единицы измѣренія: одинъ разъ разстояніе отмѣривается на покоящемся пространствѣ, другой разъ на движущемся. Во всякомъ случаѣ, аргументъ Зенона вскрываетъ относительность движенія. Иначе представляется положеніе вещей, если смотрѣть на движеніе каждаго тѣла въ отдѣльности, и иначе, если наблюдать ихъ движенія вмѣстѣ относительно другъ друга. Затрудненіе, которое вскрываетъ Зенонъ, было бы избѣгнуто, если бы наряду съ матеріей допустить существованіе пустого пространства и считать движеніе измѣненіемъ мѣста въ этомъ абсолютномъ пространствѣ (дефиниція Ньютона): въ этомъ случаѣ величина пройденнаго разстоянія не измѣрялась бы на тѣлахъ, мимо которыхъ прошло движущееся тѣло. Однако, Зенонъ могъ считать существованіе пустого абсолютнаго пространства опровергнутымъ въ данномъ имъ спеціальному аргументѣ противъ пространства ¹⁾. Аргументъ „стадій“, по справедливому указанію Шнейдера, показываетъ противорѣчія чувственно воспринимаемаго движенія (въ отличіе отъ предшествующихъ, гдѣ доказывалась невозможность движенія для мысли).

Однако, „стадій“ можетъ доказывать невозможность движенія и для мысли, если въ основаніе его положить предпосылку прерывности времени и пространства, состоящихъ изъ недѣлимыхъ единицъ. Такое пониманіе „стадія“ мы находимъ у Брошара и Таннери. Двѣ равныя серіи точекъ (соприкасающихся, но не сливающихся) движутся съ одинаковой скоростью навстрѣчу другъ другу, проходя мимо третьей равной имъ неподвижной серіи точекъ. Точки—абсолютные элементы пространства; моментъ—абсолютный элементъ времени. Допустимъ, что движеніе совершилось въ одинъ моментъ. Въ одно и то же время крайнія точки каждой изъ движущихся серій пройдутъ мимо всѣхъ точекъ другой движущейся серіи и въ то же время только мимо половины точекъ покоящейся серіи. Но если при одной и той же скорости времена движенія должны быть пропорціональны проходимымъ пространствамъ, то оказывается, что недѣлимый моментъ времени вдвое больше самого себя: онъ долженъ расширяться такъ, чтобы содержать въ себѣ два элемента того же измѣренія. Такимъ образомъ моментъ, предположенный недѣлимымъ, оказывается дѣлимымъ.

¹⁾ См. В. Petronievics, ц. с., стр. 71.

По мнѣнію Таннери, „стадій“ имѣетъ въ виду противника, утверждающаго, что „моментъ соотвѣтствуетъ не опредѣленному положенію стрѣлы, по переходу отъ каждаго даннаго положенія къ слѣдующему“. Зенонъ возражаетъ, что, если при переходѣ изъ одного положенія въ другое всегда проходитъ моментъ, а всѣ моменты равны между собой, то не можетъ быть двойной скорости. Однако, примѣръ „стадія“ показываетъ, что необходимо или допустить существованіе двойной скорости или признать, что половипа можетъ быть равна цѣлому. Конечный результатъ: переходъ отъ точки къ точкѣ не можетъ соотвѣтствовать моменту. Толкованіе „стадія“ у Таннери интересно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ несостоятельность данной Т. Гомперцомъ критики „стрѣлы“. А именно, послѣдній возражаетъ Зенону: „Постоянно движущееся тѣло занимаетъ и въ самую малѣйшую частицу времени не одну часть пространства—оно находится въ постоянномъ передвиженіи отъ одной части пространства къ другой“.

Эвелленъ открываетъ въ примѣрѣ „стадія“ еще слѣдующее противорѣчіе между чувственнымъ созерцаніемъ и мышленіемъ. Точка В¹ нашего рисунка, находившаяся влѣво отъ точки С¹, послѣ движенія очутилась вправо отъ нея. Такъ какъ движеніе совершилось въ одинъ недѣлимый моментъ, то, хотя при сравненіи прежняго и новаго положенія этихъ точекъ видно, что произошло ихъ перекрещиваніе, однако, *встрѣча ихъ не могла произойти ни въ какое время и ни въ какомъ мѣстѣ*. Онѣ прошли мимо другъ друга, но для ихъ встрѣчи не оказывается мѣста ни въ пространствѣ, ни во времени.

Связь между четырьмя аргументами противъ движенія устанавливают Ренувье ¹⁾ и Брошаръ ²⁾. „Дихотомія“, „Ахиллесъ“, „стрѣла“ и „стадій“ образуютъ слѣдующую дилемму. Если время и пространство имѣютъ части, то одно изъ двухъ: или эти части дѣлимы до бесконечности, или онѣ состоятъ изъ недѣлимыхъ элементовъ. „Дихотомія“ и „Ахиллесъ“ исходятъ изъ предположенія, что пространство и время дѣлимы до бесконечности, и опровергаютъ его выведеніемъ изъ него нелѣпныхъ слѣдствій; „стрѣла“ и „стадій“ исходятъ изъ предположенія, что пространство и время состоятъ изъ недѣлимыхъ элементовъ и равнымъ образомъ доказываютъ несостоятельность этого предположенія. Эти четыре аргумента образуютъ симметрическую систему: I и IV° разсматриваютъ движеніе въ данныхъ границахъ, II и III—безъ нихъ; I и III ставятъ задачу осуществленія движенія для одного тѣла и находятъ, что даже начало движенія невозможно; II и IV° сравниваютъ два движущихся тѣла и доказываютъ, что, если бы даже движеніе началось, оно не могло бы продолжаться. I и II устанавливают невозможность движенія вслѣдствіе природы про-

²⁾ Renouvier. Logique, p. 67.

¹⁾ Brochard. Les arguments de Zénon d'Elée contre le mouvement (Etudes de philos. ancienne, p. 4—5).

странства, которое предполагается непрерывнымъ наравнѣ съ временемъ; въ III и IV невозможность движенія доказывается на основаніи природы времени, которое предполагается прерывнымъ наравнѣ съ пространствомъ. Наконецъ, второй аргументъ покоится на томъ же принципѣ, что и первый; а четвертый—на одномъ принципѣ съ третьимъ. Аргументы расположены въ логическомъ порядкѣ: наиболѣе простые раньше, болѣе сложные за простѣйшими.

Также Дж. Бернетъ находитъ въ каждомъ послѣдующемъ аргументѣ усложненіе предыдущаго: въ „Ахиллесѣ“ усложнена „дихотомія“ введеніемъ другого движущагося объекта; дальнѣйшее усложненіе представляетъ стрѣла: движущійся предметъ разсматривается, какъ имѣющей длину; „стадій“—усложненіе „стрѣлы“: вводится вторая движущаяся линия.

П. Таннери также находитъ связь между четырьмя аргументами Зенона о движеніи: они, по его мнѣнію, образуютъ двойную дилемму ¹⁾).

Обратимся теперь къ математической сторонѣ вопросовъ, поднятыхъ аргументами Зенона противъ движенія. Б. Рессель ²⁾ переводитъ доказательства Зенона на языкъ ариеметики. *Дихотомія*: Нѣтъ движенія, такъ какъ движущійся предметъ долженъ постоянно (безконечное число разъ) достигать половины своего пути, прежде чѣмъ достигнетъ конца. На ариеметическомъ языкѣ это значитъ: числа отъ 0 до 1 предполагаютъ числа отъ 0 до $\frac{1}{2}$, послѣднія предполагаютъ числа отъ 0 до $\frac{1}{4}$ и т. д. (безконечный прогрессъ въ понятіи безконечнаго цѣлаго). Рѣшеніе проблемы Рессель находитъ въ различеніи или двухъ видовъ безконечнаго регресса или двухъ видовъ цѣлаго, въ одномъ изъ которыхъ части одинаковой сложности съ цѣлымъ не имѣютъ логическаго пріоритета передъ цѣлымъ. *Ахиллесъ*: Проблема, поднимаемая этимъ аргументомъ съ ариеметической точки зрѣнія сводится къ взаимному отношенію двухъ безконечныхъ классовъ. Напримѣръ, возьмемъ $1+2x$ и $2+x$, и допустимъ, что x лежитъ между 0 и 1. Для каждаго значенія $1+2x$ есть одно и только одно значеніе $2+x$ и vice versa. Когда x возрастетъ отъ 0 до 1, тогда оба эти значенія сравниваются. Однако, $1+2x$ отправляется отъ 1 и кончается 3, между тѣмъ какъ $2+x$ начинается 2-мя и кончается 3.

„Ахиллесъ“ затрагиваетъ и другую интересную математическую проблему: вопросъ объ однородности (similarity) цѣлаго и части. Если здравый смыслъ (common-sense) не можетъ допустить возможности того, чтобы цѣлое и часть могли имѣть одно и то же число терминовъ, то „Ахиллесъ“ Зенона доказываетъ, что противоположная точка зрѣнія также приводитъ къ слѣдствіямъ, неприемлемымъ для здраваго смысла. Здравый смыслъ оказывается въ весьма плачевномъ состояніи: ему приходится выбирать между парадоксомъ Зенона и парадоксомъ Кантора, между

¹⁾ Проведеніе этой точки зрѣнія у Таннери см. стр. 246—247 р. п. его основной работы.

²⁾ В. Russel. The principles of mathematics, v. I, 1903, стр. 347 слѣд.

„Ахиллесомъ“ и „Тристрамомъ Шенди“ (Tristram Shandy)¹⁾. Тристрамъ Шенди потратилъ два года своей жизни на написаніе исторіи двухъ первыхъ дней своей жизни и горевалъ, что при такой скорости матеріалъ будетъ накапливаться быстрѣе, нежели онъ будетъ въ состояніи его погашать. Такимъ образомъ біографія никогда не придетъ къ концу. Однако, если предположимъ, что Тристрамъ Шенди будетъ жить вѣчно, что жизнь его будетъ столь же богата приключеніями и онъ будетъ постоянно писать свою автобіографію, то ни одна часть послѣдней не останется не написанной: въ самомъ дѣлѣ, въ одинъ годъ онъ описываетъ событія одного дня; событія *n*-аго дня будутъ написаны въ *n*-ый годъ; какъ описываемые дни, такъ и соотвѣтствующіе имъ годы писанія автобіографіи никогда не прекращаются; слѣдовательно, ни одна часть біографіи не останется не написанной. Такимъ образомъ „Ахиллесъ“ полагаетъ, что цѣлое и часть не могутъ быть однородными (similar), „Тристрамъ Шенди“ признаетъ цѣлое и часть однородными. Съ арифметической точки зрѣнія „Ахиллесъ“ долженъ быть отвергнуть, „Тристрамъ Шенди“ принять. Указанная однородность (similarity) невозможна для *конечнаго* цѣлаго: числа въ обыденной жизни показываютъ невозможность однородности цѣлаго и части; однако, это не доказательно для безконечныхъ цѣлыхъ. *Стрѣла*: этотъ аргументъ съ математической точки зрѣнія выражаетъ очень важную истину, а именно, что „всякое возможное значеніе переменнѣйшей есть константъ (постоянное)“. Если *x* переменная величина, которая можетъ принимать всѣ значенія отъ 0 до 1, то всѣ значенія, какія только она можетъ имѣть, суть опредѣленные числа, какъ, напримѣръ, $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$, которыя всѣ представляютъ собой абсолютныя константы. *Стадій*: этотъ аргументъ, касающійся проблемы измѣренія и исходящій изъ представле-

¹⁾ „Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди“, соч. Стерна, 6 томовъ (рус. пер. 1804—1807). Шанди описываетъ всѣ событія своей жизни, даже самыя незначительныя. Жизнь его весьма богата разными приключеніями, преимущественно несчастными. Со дня рожденія онъ „не переставалъ быть игрушкой той женщины, которую свѣтъ называетъ фортуною“: на всякомъ шагу жизни эта неумолимая богиня не перестаетъ дарить его „такими горестными приключеніями, такими странными случаями, какихъ другой не переносилъ за всю свою жизнь“. Несчастія преслѣдуютъ его, еще до появленія его на свѣтъ. Во время зачатія глубокомысленныя думы его отца прервала жена вопросомъ: „Не забылъ ли ты завести часовъ?“ и это отразилось пагубно на зародышѣ. Весь первый томъ посвященъ событіямъ до вступленія въ свѣтъ III., второй томъ описываетъ цѣлый рядъ приключеній, сопровождавшихъ актъ рожденія (ребенокъ родился съ изуродованнымъ носомъ), въ третьемъ томѣ описывается крещеніе (отецъ хотѣлъ дать ему имя Трисмегистъ, но священникъ по ошибкѣ назвалъ его Тристрамомъ,—именемъ, къ которому отецъ его питалъ наибольшее отвращеніе изъ всѣхъ именъ). III. излагаетъ свою жизнь весьма обстоятельно. „Историкъ не можетъ, говоритъ онъ, такъ гнать свою исторію, какъ извозчикъ гонитъ лошадей—все впередъ... Историкъ вынужденъ разъ пятьдесятъ сворачивать съ прямой дороги за тѣмъ или за другимъ, чего ни подъ какимъ видомъ пропустить нельзя... Что до меня касается, то я объявляю, что сажу надъ этимъ шесть недѣль, спѣшу изо всей мочи—а еще по сю пору не родился“...

нія трехъ сложенныхъ изъ точекъ параллельныхъ линій, изъ которыхъ одна остаётся на мѣстѣ, а двѣ другія передвинулись одновременно въ одинъ недѣлимый моментъ, Рассель считаетъ совершенно основательнымъ съ чисто ариеметической точки зрѣнія (пока не включается никакой эмпирической вопросъ); но въ геометріи, кинематикѣ и динамикѣ этотъ аргументъ получаетъ иную оцѣнку.

Математики обычно опровергаютъ Зенонову „дихотомію“, доказывая, что сумма безконечнаго ряда дробей $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \dots$ не превышаетъ конечной величины 1; „Ахиллесъ“ же опровергается у нихъ точнымъ вычисленіемъ времени, когда Ахиллесъ нагонитъ черепаху ¹⁾. Однако, какъ указалъ Брошаръ, этотъ способъ опроверженія, усвоенный математиками, начиная съ Декарта, заключаетъ въ себѣ логическую ошибку *μετάθεσις εἰς ἄλλο γένος*: рѣшается иная проблема, а не та, которая поставлена. А именно, спрашивается, *какимъ образомъ* безконечный рядъ $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \dots$ достигаетъ конечной величины 1 и *какимъ образомъ* разстояніе между черепахой и Ахиллесомъ становится равнымъ нулю.

По господствующему въ исторической литературѣ мнѣнію, аргументы Зенона были направлены противъ убѣжденія всѣхъ смертныхъ въ реальности движенія и множественности вещей. Противъ этого мнѣнія выступилъ П. Таннери, который полагаетъ, что аргументы Зенона были направлены только противъ пифагорейцевъ. Парменидово ученіе объ единствѣ, сплошности и неподвижности вселенной противорѣчило пифагорейскому ученію, по которому точка есть единица пространства. Геометрическое тѣло, учили пифагорейцы, есть сумма точекъ (равнымъ образомъ и физическое тѣло, такъ какъ въ то время еще не дѣлали различія между геометрическимъ и физическимъ тѣлами). Зенонъ даетъ этому пифагорейскому ученію формулировку: „вещи суть множественность“ и опровергаетъ его. „Объясненные въ этомъ смыслѣ аргументы Зенона, даже тѣ, въ которыхъ видятъ простые паралогизмы, являются ясными, убѣдительными и неопровержимыми“, говоритъ Таннери.

Мильо (Milhaud) и Боймверъ, слѣдуя Таннери, также видятъ въ доказательствахъ Зенона критику пифагорейскаго ученія, по которому тѣло состоитъ изъ точекъ, и съ этой точки зрѣнія признаютъ цѣнность всѣхъ аргументовъ Зенона (они превосходно выполняютъ свое назначеніе, которымъ является опроверженіе пифагореизма). Къ этому мнѣнію присоединяется и Т. Гомперцъ (стр. 177), который, отмѣчая возникшій въ пифагорейскихъ кругахъ взглядъ, что „дѣлимости матеріи не преступить

¹⁾ Геометрическая прогрессія $a(1 + \frac{1}{n} + \frac{1}{n^2} + \frac{1}{n^3} + \dots)$, гдѣ a есть первоначальное разстояніе между Ахиллесомъ и черепахой и n отношеніе ихъ скоростей, не превышаетъ конечной величины, если n больше 1.

нѣкоторой, хотя и очень отдаленной границы: дальнѣйшему безконечному дѣленію препятствуютъ мельчайшія зерна, которыя по величинѣ можно сравнить съ концомъ иглы или съ солнечной пылью“, прибавляетъ: „Неоспоримая заслуга Зенона заключается въ томъ, что онъ указалъ на противорѣчивость этого представленія“. Мнѣніе Таннери раздѣляетъ также Дж. Бернетъ (стр. 362), который изображаетъ историческую позицію Зенона слѣдующимъ образомъ: сперва выступаетъ Парменидъ, затѣмъ его противники пифагорейцы - плюралисты, утверждающіе, что пространство (и тѣло) состоитъ изъ раздѣльныхъ единицъ, наконецъ, Зенонъ, дающій критику этого плюралистическаго ученія. Противъ мнѣнія Таннери, Мильо, Боймкера, Т. Гомперца и Дж. Бернета дѣлаетъ возраженіе Брошаръ (стр. 19 ц. с.), обращающій вниманіе на то, что Платонъ ¹⁾ противопоставляетъ элейское ученіе не пифагорейскому, но іонійскимъ и сицилійскимъ музамъ (т. е. Гераклиту и Эмпедоклу). И дѣйствительно, мы имѣемъ идущее отъ древности сообщеніе, что Зенонъ написалъ сочиненіе, посвященное Эмпедоклу, которое, по мнѣнію Г. Дильса, должно было быть полемическаго содержанія. Сверхъ того, безконечная дѣлимость пространства, задѣваемая критикой Зенона, скорѣе всего можетъ быть поставлена въ связь съ ученіемъ Анаксагора ²⁾). Наконецъ, высказывался взглядъ, что аргументы Зенона были направлены противъ Левкиппа. Несомнѣнно, что аргументы Зенона различными своими сторонами не могли не коснуться всѣхъ современныхъ имъ ученій и не могли не повліять на послѣдующія философскія построенія. Мы не видимъ необходимости ставить эти аргументы въ исключительную связь съ пифагорейскимъ атомизмомъ ³⁾; какъ показываетъ уже самое число аргументовъ Зенона (до 50, изъ которыхъ до насъ дошло около 10,—вѣроятно, тѣ, которые показались наиболѣе значительными Аристотелю и Симплицію), они должны были имѣть въ виду всѣхъ возможныхъ противниковъ не только существующихъ, но и мыслимыхъ (согласно завѣщанію Парменида. см. 18 В 8, 61). Мы полагаемъ, что аргументы Зенона, будучи всѣ объединены одной цѣлью—защитить ученіе Парменида, были направлены противъ различныхъ противниковъ этого ученія: они опровергали какъ обыденный взглядъ на міръ, основанный на показаніяхъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и современныя Зенону философскія ученія (въ частности пифагорейскій атомизмъ); сверхъ того, вѣроятно, Зенонъ въ силу своего діалектическаго таланта самъ строилъ мыслимыя возраженія, отыскивалъ воображаемыхъ противниковъ

¹⁾ „Софистъ“ 2:2 d.

²⁾ Взглядъ Штальбаума, высказанный имъ въ изданіи Платоновскаго „Парменида“, стр. 25 сл.

³⁾ Генетической связи элеатизма съ пифагореизмомъ, конечно, отрицать нельзя; самъ Парменидъ первоначально былъ пифагорейцемъ и на элейскую школу въ древности смотрѣли, какъ на вѣтвь пифагорейскаго союза (Страбонъ). Въ извѣстномъ смыслѣ элейская школа является сектой, отдѣлившейся отъ пифагореизма. См. J. Burnet, стр. 358.

(можетъ быть, такимъ путемъ имъ были предвосхищены предпосылки міровоззрѣній Анаксагора и Левкиппа).

Если по мнѣнію Таннери, Зенонъ доказывалъ, „что тѣло не есть сумма точекъ, что время не есть сумма моментовъ, что движеніе не есть сумма простыхъ переходовъ отъ точки къ точкѣ“ (стр. 248), то по мнѣнію Эвеллена, аргументы Зенона, напротивъ, доказываютъ несуществованіе непрерывныхъ величинъ. Брошаръ полагаетъ, что доказательства Зенона были направлены не противъ существованія, но противъ состава непрерывной величины: существуютъ лишь непрерывныя величины, но онѣ—такого рода, что исключаютъ всякую множественность; число для Зенона есть „чистая видимость и иллюзія“ (pure appareance et illusion), оно должно быть изгнано изъ подлинной науки.

Однако, разрушая понятіе числа (единства, множества, безконечности), діалектика Зенона устремляется затѣмъ на основныя геометрическія понятія (пространство и точка) и далѣе на главныя понятія физики (матерія, время, движеніе, скорость), и повсюду эта діалектика дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ. Она разрушаетъ понятіе матеріи, доказывая, что матерія не состоитъ ни изъ математическихъ точекъ, ни изъ физическихъ, ни изъ частей, дѣлимыхъ до безконечности (нѣсколько нулей пространства не составляютъ пространства, слѣдовательно, математическія точки не образуютъ матеріи; дѣлимость до безконечности дѣлаетъ часть равной цѣлому; физическія точки—атомы заключаютъ въ себѣ противорѣчіе: съ одной стороны, онѣ имѣютъ протяженіе, а именно, верхъ и низъ, правую и лѣвую сторону и потому дѣлимы до безконечности, съ другой стороны, ставится требованіе мыслить ихъ недѣлимыми (то-есть, въ понятіи атома мы должны мыслить недѣлимой дѣлимую до безконечности величину). То, во имя чего производитъ свою разрушительную работу діалектика Зенона,—непрерывная матерія, чуждая какой бы то ни было множественности и потому исключаящая всякую дѣлимость, является понятіемъ, которому приходится отказать въ логической ясности.

По мнѣнію Таннери (стр. 237), Зенонъ „вовсе не отрицалъ движенія, но лишь доказывалъ несовмѣстимость его со множественностью вещей“. Однако, знаменитое возраженіе циниковъ на аргументы Зенона доказываетъ, что въ древности эти аргументы понимались именно въ смыслѣ отрицанія возможности движенія вообще. Извѣстно, что, выслушавъ аргументы Зенона противъ движенія, Антисоенъ, не сказавъ ни слова, поднялся и *сталъ ходить* (см. А 15). Въ сущности, возраженіе циниковъ считаетъ правильнымъ П. Дейссенъ (п. с., стр. 88 слѣд.), такъ какъ онъ полагаетъ, что аргументы Зенона покоятся на разногласіи, существующемъ между мышленіемъ и чувственнымъ созерцаніемъ. А именно, по мнѣнію П. Дейссена, Зенонъ злоупотребляетъ мышленіемъ въ ущербъ правамъ чувственнаго созерцанія: дѣйствительность, данная намъ въ созерцаніи, непрерывна (continuum), между тѣмъ какъ мышленіе разрываетъ эту дѣйствительность, проводя въ послѣдней чуждыя ей границы; время и про-

странство—непрерывныя величины и только мышленіе дѣлаетъ ихъ суммой отдѣльныхъ моментовъ и точекъ; суть вопроса въ томъ, что мышленіе является несовершеннымъ орудіемъ для пониманія дѣйствительности. Наилучшимъ опроверженіемъ взгляда П. Дейссена могутъ служить работы математика Г. Кантора, который показалъ, что понятіе непрерывной величины можетъ быть построено независимо отъ данныхъ намъ въ чувственной интуиціи времени и пространства, что, отправляясь отъ понятія прерывной величины, можно при помощи чистой логической конструкціи достигнуть понятія непрерывной величины ¹⁾. Непрерывная величина не является чѣмъ-то недоступнымъ нашему мышленію. Тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, существуетъ глубокое различіе между математическимъ (абсолютно однороднымъ) пространствомъ и пространствомъ психологическимъ (эмпирическимъ), но это различіе иного рода и этотъ вопросъ у Зенона еще не затронутъ ²⁾.

Общее историческое значеніе Зенона заключается въ его громадномъ вліяніи на развитіе греческой математики ³⁾, въ его критикѣ понятія матеріи, которая подготовила позже возникшій идеализмъ, и въ его диалектическомъ методѣ, проложившемъ путь позднѣйшей софистикѣ ⁴⁾. Самъ Зенонъ не былъ ни математикомъ, ни физикомъ-идеалистомъ, ни софистомъ, но онъ далъ сильнѣйшій толчокъ развитію основныхъ математическихъ и физическихъ понятій, а также сильно способствовалъ возникновенію идеалистическаго мировоззрѣнія и софистическихъ приѣмовъ (особенно его вліяніе сказалось на Горгіи).

Свида (см. А 2) приписываетъ Зенону нѣсколько сочиненій: „Споры“, „Изыясненіе ученій Эмпедокла“ (не экзегетическаго, но полемическаго содержанія, по мнѣнію Г. Дильса), „Противъ философовъ“ ⁵⁾ и „О природѣ“. Діогенъ (см. А 14) говоритъ, будто Зенонъ первый сталъ писать діалоги. Полагая, что Зенонъ писалъ въ діалогической формѣ, Таннери считаетъ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ Р. Tannery. Le concept scientifique du continu. Zénon d'Élée et Georg Cantor (Revue philosophique, XX, 1885).

²⁾ Выясненію этого различія посвящены статьи Э. Маха: „Пространство физиологическое и метрическое“ (въ „Познаніи и заблужденіи“), „Биологически-телеологическій взглядъ на пространство“ (въ „Анализъ ощущений“) и нѣкоторыя другія. Э. Махъ показываетъ, какъ сильно пространство нашего чувственнаго воззрѣнія (система нашихъ пространственныхъ ощущений) отличается отъ абстрактнаго пространства эвклидовой геометріи, которое имѣетъ повсюду во всѣхъ мѣстахъ и по всѣмъ направленіямъ одни и тѣ же свойства, безпредѣльно и бесконечно.

³⁾ Н. Hankel. Zur Geschichte d. Mathematik 1874, стр. 117. М. Cantor. Vorlesungen über Geschichte d. Mathematik, стр. 168—170. П. Таннери, р. п., стр. 236.

⁴⁾ Въ самомъ дѣлѣ, та характеристика метода Зенона, которую даетъ Платонъ въ „Федрѣ“ (Phaedr. 216 D, см. А 13), можетъ безъ всякихъ измѣненій служить выраженіемъ сущности метода софистовъ. Псевдо-Галенъ считаетъ Зенона скептикомъ и эристикомъ. Также пирроновцы признавали Зенона скептикомъ (см. В 4).

⁵⁾ Т. е. противъ пифагорейцевъ, по мнѣнію Дж. Бернета.

дошедшіе до насъ отрывки неподлинными (такъ какъ въ нихъ не сохранилось слѣда діалогической формы).

Аристотель написалъ специальное сочиненіе: „Противъ ученій Зенона“; посвятилъ также Зенону книгу Гераклидъ Понгійскій.

Изъ философскихъ системъ новаго времени любопытныя параллели аргументамъ Зенона представляютъ, съ одной стороны, космологическія антиноміи Канта (а именно, двѣ первыя, математическія антиноміи) и ученіе Ренувье объ антиномической формѣ категорій¹⁾, съ другой стороны, системы Тренделенбурга и Бергсона, которыя обѣ построены на принципѣ движенія, но самое движеніе считаютъ не поддающимся опредѣленію. Тренделенбургъ говоритъ, что „движеніе можно только созерцать и указывать, а отнюдь не истолковывать и не опредѣлять“²⁾ и вслѣдствіе простоты движенія считаетъ ошибочными „всѣ попытки поставить пространство и время независимо, какъ моменты, предшествующіе движенію и его обуславливающіе“. Пространство и время „выдѣляются и для представленія только изъ движенія, какъ изъ общаго своего источника“. Ошибку аргументовъ Зенона³⁾ онъ видитъ въ томъ, что въ нихъ нарушено данное въ созерцаніи движенія единство времени и пространства и они противопоставлены враждебно другъ другу, какъ совсѣмъ чуждые между собой элементы. Бергсонъ даетъ остроумную критику аргументовъ Зенона противъ движенія съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ своей философіи. Сущность ошибки, допущенной въ нихъ, онъ видитъ въ томъ, что дѣлимость пути движенія переносится на самое движеніе. Аргументы Зенона предполагаютъ, что то, что вѣрно относительно пути, вѣрно и относительно самого движенія. „Такъ, напримѣръ, линія можетъ быть подраздѣлена на сколько угодно частей какой угодно величины, и все же это будетъ одна и та же линія. Отсюда дѣлается выводъ, что мы имѣемъ право, когда угодно, расчленять движеніе, и все же это будетъ то же самое движеніе. Такимъ образомъ получается рядъ нелѣпостей, вытекающихъ изъ одной и той же основной нелѣпости... Когда Ахиллесъ гонится за черепахой, то каждый его шагъ долженъ разсматриваться, какъ нѣчто нераздѣльное. То же самое относится и къ шагу черепахи. Это совершенно очевидно. Если вы хотите далѣе подраздѣлить оба эти движенія, то различите въ пути Ахилла и въ пути черепахи *меньшія части* шага cadaго изъ нихъ, но непремѣнно считайтесь съ естественнымъ единствомъ обоихъ путей... Приемъ Зенона состоитъ въ томъ, что движенія Ахилла составляются по другому, произвольно выбранному закону“⁴⁾. Итакъ, Бергсонъ видитъ общую ошибку всѣхъ аргументовъ Зенона въ томъ, что „движеніе накладывается на свою

¹⁾ Ch. Renouvier. Essais de critique générale, I essai 1854, таблица на стр. 104 и резюме на стр. 273.

²⁾ А. Тренделенбургъ. Логическія изслѣдованія, I часть, стр. 137 р. п.

³⁾ Тамъ же, стр. 196—200.

⁴⁾ А. Бергсонъ. Творческая эволюція, II изд. р. п., стр. 276—277.

траекторію и произвольно разлагается на части подобно ей“. „Въ сущности, говоритъ онъ, ошибка объясняется тѣмъ, что *однажды выполненное* движеніе оставило на своемъ пути неподвижную траекторію, на которой можно насчитать сколько угодно неподвижныхъ точекъ. А отсюда дѣлается выводъ, что и совершающееся движеніе въ каждый моментъ оставляетъ за собой нѣкоторое положеніе, съ которымъ оно совпадало. При этомъ упускается изъ виду, что траекторія создается однимъ ударомъ, хотя для этого, конечно, нужно извѣстное время; что если однажды созданную траекторію можно подраздѣлять на какія угодно части, то никакъ нельзя подраздѣлять самый процессъ ея созданія, такъ какъ это именно—процессъ, а не предметъ. Предполагать же, что движущееся тѣло *находится* въ какой-либо точкѣ своего пути, это значить разрѣзать путь на двѣ части и замѣнить двумя траекторіями ту единую траекторію, которая разсматривалась спачала. Это значить различать два послѣдовательныхъ акта тамъ, гдѣ по предположенію имѣется только одинъ. Наконецъ, это значить переносить на самый полетъ стрѣлы все то, что относится къ пройденному ею промежутку, то есть а priori допустить ту нелѣпость, что движеніе совпадаетъ съ неподвижными состояніями“ ¹⁾.

Въ заключеніе лишь упомянемъ о той роли, какую играетъ проблема отношенія между непрерывнымъ и прерывнымъ въ міровоззрѣніи Г. Геффдинга (въ гносеологической, психологической, космологической и этически-религіозной областяхъ) ²⁾.

А. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. *Диогенъ IX 25 слѣд. (25)* Элеець Зенонъ. Аполлодоръ въ „Хроникахъ“ говоритъ, что онъ—родной сынъ Телевтагора, усыновленный Парменидомъ (Парменидъ же—сынъ Пирета). О немъ и Мелиссъ Тимонъ говоритъ слѣдующее:

„Великая, неистощимая сила двуязычнаго Зенона, порицателя всѣхъ, и Мелиссъ возвышаются надъ многими призраками и только немногимъ (изъ нихъ) подчиняются“.

Итакъ, Зенонъ былъ ученикомъ Парменида и предметомъ его любви. Онъ былъ высокаго роста, какъ говоритъ Платонъ въ „Парменидѣ“ (*127 В; срв. А 11*). Онъ же въ „Софистѣ“ (*р. 215 А*) [и въ „Федрѣ“ онъ упоминаетъ его (*р. 261 D*)] называетъ его элейскимъ Паламедомъ. Аристо-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Г. Геффдингъ. Философскія проблемы.

тель же (*fr. 65; срв. А 10*) говорить, что онъ былъ изобрѣтателемъ діалектики, подобно тому какъ Эмпедоклъ—реторики.

(26) Онъ былъ мужемъ весьма выдающимся и въ философіи и въ государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что его книги полны большой учености. Когда онъ возымѣлъ намѣреніе свергнуть тирана Неарха (согласно другимъ, Диомедона), то былъ схваченъ, какъ сообщаетъ Гераклитъ въ „Сокращеніи Сатира“. Тогда на допросѣ относительно соучастниковъ и оружія, привезеннаго имъ въ Липару, онъ указалъ на всѣхъ друзей тирана, желая, чтобы тотъ лишился (всѣхъ ихъ). Затѣмъ онъ сказалъ, что имѣеть нѣчто сказать ему на ухо относительно нѣкоторыхъ (изъ нихъ), и, вцѣпившись въ ухо зубами, не отпустилъ до тѣхъ поръ, пока его не закололи; (такимъ образомъ) онъ подвергся той же участи, что и тиранноубійца Аристокитонъ.

(27) Димитрій же въ „Омонимахъ“ говорить, что онъ откусилъ (царю) носъ. Антисеенъ же въ „Смѣнахъ“ говорить, что послѣ того какъ онъ указалъ друзей тираннъ спросилъ, нѣтъ ли еще кого-нибудь, онъ же сказалъ: „Ты—государственный преступникъ“, и, обратившись къ присутствовавшимъ, промолвилъ: „Удивляюсь я вашей трусости, если вы служите тиранну изъ страха подвергнуться тому, что я нынѣ терплю“, и, наконецъ, откусивъ (свой) языкъ, выплюнулъ его (въ лицо) тиранну; поощренные же (этимъ поступкомъ) граждане тотчасъ побили тирана камнями. Почти то же самое болтаеть большинство (авторовъ). Гермиппъ же говорить, что онъ былъ брошенъ въ ступу и изрубленъ на мелкія части (*срв. 59 А 13*).

(28) И на него мы сказали такъ (*Слѣдуетъ эпиграмма Діогена*).

И въ остальныхъ отношеніяхъ Зенонъ былъ хорошъ, но притомъ онъ, подобно Гераклиту, презиралъ (все) болѣе значительное. И въ самомъ дѣлѣ, свой родной городъ, бывшій фокейской колоніей, называвшійся сначала Гіэлой, а позже Элеей, городъ ничтожный, умѣвший лишь воспитывать хорошихъ мужей, онъ предпочиталъ надменнымъ Аѳинамъ. Онъ ни разу не бывалъ у аѳинянъ, но жилъ на родинѣ. (29) Онъ первый выступилъ съ разсужденіемъ, которое называется Ахиллесомъ. Впрочемъ, Фаворинъ говорить (*ср. выше стр. 21*), что Парменидъ и многіе другіе (раньше его).

Мнѣнія же его таковы ¹⁾. Существуютъ міры и нѣтъ пустоты. Природа всѣхъ (вещей) произошла изъ теплаго, холоднаго, сухого и влажнаго, когда они стали переходить одно въ другое. Люди произошли изъ земли; душа есть смѣсь изъ вышеупомянутыхъ (элементовъ) такого рода, что ни одинъ изъ нихъ не преобладаетъ. Передаютъ, что, когда его бра-

¹⁾ Приводимыя далѣе мнѣнія принадлежатъ, вѣроятно, Эмпедоклу; къ послѣднему относится и приводимое здѣсь изреченіе, какъ видно изъ 21 А 20. Если эти мнѣнія дѣйствительно принадлежали Зенону, то они свидѣтельствуютъ, что Зенонъ такъ же, какъ Парменидъ, счелъ нужнымъ дать и „мнимое ученіе“ (ὁβέη).

нили, онъ обнаружилъ недовольство; когда же кто-то поставилъ ему это въ вину, онъ сказалъ: „Если брань меня не тронетъ, то и похвалъ я не почувствую“.

О томъ, что было восемь (извѣстныхъ) лицъ, носившихъ имя Зенона, объ этомъ мы сказали, когда говорили о Зенонѣ Китійскомъ (*VII 35*). Акме нашего (Зенона) пришлось на (семьдесятъ) девятую олимпиаду (464—461).

2. *Свида*. Зенонъ, сынъ Телевтагора, элейскій философъ изъ числа близкихъ по времени къ Пиеагору и Демокриту, ибо онъ жилъ въ 78 олимпиаду (468—465), ученикъ Ксенофана или Парменида. Онъ написалъ (слѣдующія сочиненія): „Споры“, „Изъясненіе ученій Эмпедокла“¹⁾, „Противъ философовъ“, „О природѣ“ (*изъ Гезихія*).

3. *Евсевій Chron. къ олимпиадъ 81, 1—3 (456—454)* Было акме Зенона и Гераклита Темнаго. *Срв. 18 А 11 и 29 А 1а*.

4. (*Платонъ*) *Алкивиадъ I р. 119 А А* изъ остальныхъ афинянъ или чужеземцевъ укажи раба или свободнаго, который бы сталъ мудрѣе благодаря общенію съ Перикломъ, подобно тому какъ я (*Сократъ*) могу тебѣ назвать Пиеодора, сына Исолоха (*къ 18 А 5*), и Каллія, сына Калліада, которые оба стали мудрыми и славными благодаря общенію съ Зенономъ, за что заплатили ему по сто минъ (каждый).

Схоліи къ этому мѣсту. Элеецъ Зенонъ, ученикъ Парменида, философъ, занимавшійся изслѣдованіемъ природы. и государственный мужъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Поэтому-то онъ и сравнивается съ Перикломъ, мнимымъ государственнымъ мужемъ. Его слышалъ Пиеодоръ, который удостоенъ упоминанія также въ „Парменидѣ“ въ качествѣ лица, сообщившаго Антифону содержаніе извѣстной бесѣды; у него-то научившись сталъ Кефаль Клазоменскій учителемъ (другихъ).

Плутархъ Pericl. 4, 3 Периклъ слушалъ также элейца Зенона, занимавшагося, подобно Пармениду, изученіемъ природы и выработавшаго (въ себѣ) нѣкоторую способность опровергать (противника) и посредствомъ возраженій ставить его въ затруднительное положеніе. *Срв. 18 А 12*.

5. *Аристотель Rhet. А 12. 1372 b 3 И*, напротивъ, тѣ, для которыхъ несправедливые поступки въ нѣкоторомъ родѣ похвальпы, оставляются безъ защиты, какъ, на примѣръ, если вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось отомстить за отца или мать, подобно Зенону.

6. *Диодоръ X 18, 2* Когда отечество подпало подъ жестокою тираннію Неарха, онъ составилъ заговоръ противъ тиранна. Когда онъ былъ уличенъ и Неархъ подъ пыткой допрашивалъ его, кто были соучастниками его, (Зенонъ) сказалъ: „О если бы, подобно тому какъ я господинъ надъ своимъ языкомъ, точно такъ же я управлялъ бы и своимъ тѣломъ!“ Когда же тираннъ значительно усилилъ пытки, то Зенонъ (вначалѣ) до

¹⁾ Сочиненіе полемическаго содержанія.

нѣкоторыхъ поръ выдерживаль (мученія), затѣмъ же, стараясь освободиться когда-либо отъ пытки и вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить Неарху, надумаль нѣчто въ слѣдующемъ родѣ. Во время наивысшаго усиленія пытокъ онъ, притворившись, будто вслѣдствіе мукъ предаеть душу, воскликнулъ: „Освободите! Я скажу всю правду“. Когда же его освободили, онъ высказаль желаніе, чтобы тираннъ выслушалъ его наединѣ. Дѣло-де въ томъ, что изъ того, что онъ намѣренъ сказать, многое слѣдуетъ сохранять въ тайнѣ. Когда же тираннъ съ радостью подошелъ и приблизилъ къ его устамъ свое ухо, Зенонъ, разинувъ ротъ, впился въ царское ухо зубами. Быстро прибѣжали слуги и стали всячески оказывать помощь испытывавшему мученіе (тиранну), чтобы вырвать его изъ зубовъ Зенона, послѣдній же все болѣе впивался. Наконецъ, не будучи въ силахъ побѣдить отважнаго мужа, они, чтобы разжать ему зубы, прикололи его. И посредствомъ такого рода хитрости онъ освободился отъ страданій и (вмѣстѣ съ тѣмъ) по мѣрѣ возможности отомстиль тиранну.

7. *Плутархъ adv. Colot. 32 p. 1126 D* Итакъ, Зенонъ, пріятель Парменида, устройвъ покушеніе на тирална Демила и потерпѣвъ неудачу въ (этомъ) дѣлѣ, показаль ученіе Парменида, какъ бы чистое и неподдѣльное золото въ огнѣ, и доказаль на дѣлѣ, что великому мужу постыдно быть трусливымъ, страданій же боятся дѣти, женщины и имѣющіе женскія души мужчины. Дѣло въ томъ, что, откусивъ себѣ языкъ, онъ выплюнулъ его въ лицо тиранну.

8. *Климентъ Strom. IV 57* Не только эсопіи, македоняне и лакедемоняне, будучи подвергаемы пыткамъ, переносили ихъ съ твердостью, какъ говоритъ Эратосеенъ въ сочиненіи: „О добрѣ и злѣ“, но также элеецъ Зенонъ, котораго заставляли высказать нѣкую тайну, выдержаль пытки, ни въ чемъ не признавшись, а въ концѣ концовъ, откусивъ (себѣ) языкъ, плюнулъ имъ въ тиранна, котораго одни называютъ Неархомъ, другіе Демиломъ. *Срв. 19 A 1 и 19 A 19.*

9. *Филостратъ V. Apoll. Туан. VII 2* Итакъ, элеецъ Зенонъ (кажется, онъ положилъ начало діалектикѣ), пытаясь уничтожить тираннію Неарха Мизійскаго ¹⁾, былъ схваченъ и, будучи подвергнутъ пыткамъ, не выдалъ своихъ соучастниковъ, но наговорилъ на тѣхъ, которые были вѣрны тиранну, будто они ему невѣрны. Послѣдніе были казнены, какъ будто въ самомъ дѣлѣ были виновны. Онъ же (такимъ образомъ) сдѣлаль мизянъ свободными, ниспровергнувъ тираннію въ лицѣ ея приверженцевъ.

10. *Диогенъ VIII 57 (срв. A 1)* Аристотель же въ „Софистѣ“ говорить, что Эмпедоклъ первый избрѣль риторикку, Зенонъ же діалектику.

Секстъ adv. math. VII 6 Повидимому, Парменидъ былъ весьма свѣдущъ въ діалектикѣ, такъ какъ тотъ же Аристотель призналь начинателемъ діалектики его пріятеля Зенона.

¹⁾ Очевидно, смѣшеніе Элеи съ Элайей.

С о ч и н е н і е.

11. *Платонъ Parm. 127 A B* И такъ, Антифонъ сказалъ, что Пиеодоръ рассказывалъ, какъ нѣкогда пришли на великія панаэинеи Зенонъ и Парменидъ. И вотъ Парменидъ былъ уже совершенно сѣдымъ, настоящимъ старикомъ, обладалъ прекрасной и благообразной наружностью и имѣлъ, самое большее, около 65 лѣтъ отъ роду. Зенону же было въ то время приблизительно сорокъ лѣтъ; онъ былъ высокаго роста и пріятной наружности. И о немъ говорили, будто онъ былъ предметомъ любви Парменида. Они остановились, сказалъ (Антифонъ), у Пиеодора за городской стѣной въ Керамикѣ. И такъ, туда пришелъ Сократъ и съ нимъ много другихъ (лицъ) съ намѣреніемъ послушать сочиненій Зенона. Дѣло въ томъ, что послѣднія тогда впервые были принесены ими. Сократъ же въ то время былъ весьма юнъ. Читалъ имъ самъ Зенонъ, Парменида же въ то время не было дома. И уже изъ разсужденій, которыя читались, очень немного оставалось (дочитать), какъ вошли въ домъ, сказалъ Пиеодоръ, самъ онъ и съ нимъ Парменидъ и Аристотель, ставшій (позже) однимъ изъ тридцати (тирапновъ), и кое-что небольшое изъ сочиненія еще услышали и т. д. *Срв. стр. 22. Напротивъ Атеней 505 f.* Но что всего ужаснѣе и всего лживѣе, это—сказать безъ всякой настоящей надобности, будто предметомъ любви Парменида былъ согражданинъ его Зенонъ.

12. *Платонъ Parm. 128 B* „Да, Сократъ“, сказалъ Зенонъ: „однако, истинный смыслъ сочиненія ты понялъ не совсѣмъ, хотя, подобно лакедемонскимъ щенкамъ, отлично преслѣдуешь и отыскиваешь по слѣдамъ (содержаніе) изложеннаго. Но, во-первыхъ, отъ твоего вниманія ускользнуло то обстоятельство, что (мое) сочиненіе вовсе не такъ ужъ превозносить себя, чтобы оно могло быть написано съ тою цѣлью, какую ты ему приписываешь, (а именно), чтобы, утаивая отъ людей (свое истинное значеніе, дѣлало видъ), будто производитъ нѣчто великое. А (то, что) ты привелъ въ качествѣ одного изъ слѣдствій (сочиненія), это именно и есть истинная цѣль этого сочиненія, (а именно), оно есть своего рода защита ученія Парменида противъ пытающихся осмѣивать его (и утверждающихъ), что, если (принять положеніе, что) существуетъ единое, то ученію придется страдать (допущеніемъ) множества смѣшныхъ (нелѣпостей) и противорѣчій самому себѣ. И такъ, это сочиненіе возражаетъ признающимъ (существованіе) многого, и воздаетъ имъ той же монетой и еще большимъ, ставя себѣ задачей показать, что, если досконально изслѣдовать, то ихъ положеніе о существованіи многого, пожалуй, окажется болѣе смѣшнымъ, чѣмъ утвержденіе о бытіи единаго. Въ цѣляхъ такого-то сорежнованія оно было написано мною въ юности; и только что оно было написано, какъ кто-то его (у меня) похитилъ, такъ что (мнѣ) даже не пришлось рѣшать, слѣдуетъ ли выпустить его въ свѣтъ или нѣтъ. И такъ, Сократъ, вотъ это-то обстоятельство тебѣ неизвѣстно и ты (ошибочно) думаешь, будто сочиненіе было написано не по причинѣ свойственнаго юношѣ задора, но

изъ честолюбія болѣе зрѣлаго возраста. Дѣйствительно, тому, что я ска- залъ, ты нашелъ весьма удачное сравненіе.

13. — *Phaedr.* 261 D Итакъ, развѣ мы не знаемъ, что элейскій Паламедъ говоритъ такъ искусно, что слушателямъ одно и то же кажется подобнымъ и неподобнымъ, едипымъ и многимъ, пребывающимъ въ по- коѣ и, съ другой стороны, находящимся въ движеніи?

14. *Аристотель Soph. el. 10. 170 b 19*¹⁾ Если бы, въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ имя имѣетъ нѣсколько значеній, какъ спрашивающій, такъ и вопрошаемый думали, что оно имѣетъ одно значеніе. Такъ, на- примѣръ, на самомъ дѣлѣ бытіе или единое имѣютъ много значеній; однако, Зенонъ задалъ вопросъ, полагая, что у нихъ одно значеніе, и въ (*дальнѣйшихъ*) своихъ вопросахъ и отвѣтахъ (*онъ держится этого мнѣнія*)²⁾ Разсужденіе ведется объ единствѣ всего и эта бесѣда направ- лена противъ значенія слова или противъ (*самой*) мысли вопрошаемаго.

Срв. Платонъ Soph. 217 C. Отсюда Діогенъ III 48 Итакъ, гово- рятъ, что діалоги первый сталъ писать Зенонъ Элейскій, Аристотель же въ первой (книгѣ своего сочиненія): „О поэтахъ“ (считаетъ авторомъ пер- выхъ діалоговъ) Алексамена Стирскаго или Тейскаго. *Срв. А 10.*

15. *Прокль in Parm. p. 694, 23 (къ Платону p. 127 D)* Послѣ того какъ Зенонъ высказалъ большое число разсужденій, а именно всего сорокъ, Сократъ, выбравъ одно изъ первыхъ (его разсужденій), недоумѣ- ваетъ по поводу его... Если сущее множественно, то одно и то же сущее подобно и неподобно; однако, невозможно, чтобы одно и то же было подоб- нымъ и неподобнымъ; слѣдовательно, сущее не множественно.

Элиасъ in categ. p. 109, 6 Visse Зенонъ Киттійскій, а не Элейскій (онъ же парменидовецъ)... Послѣдній былъ прозванъ двуязычнымъ не вслѣдствіе того, что онъ, подобно киттійцу, былъ діалектикомъ и одно и то же отрицалъ и утверждалъ, но потому, что онъ былъ діалектикомъ въ жизни: иное говорилъ, иное думалъ. А именно, какъ-то на вопросъ ти- ранна, кто главнымъ образомъ злоумышляетъ противъ его власти, ука- залъ на (его) тѣлохранителей. Тотъ же, повѣривъ, приказалъ схватить ихъ и казнить. Дѣло въ томъ, что Зенонъ счелъ хорошимъ (дѣломъ) со- лгать ради сверженія тиранна. Въ другой разъ какъ-то для своего учи- теля Парменида, говорившаго, что сущее едино по существу, по види- мости же множественно, онъ составляетъ изъ сорока эпихеремъ (доказа- тельство того), что сущее едино; это онъ сдѣлалъ изъ убѣжденія, что по- ступить хорошо, если окажетъ помощь своему учителю. И еще въ дру- гой разъ какъ-то выступивъ въ защиту того же самаго учителя, гово- рившаго, что сущее неподвижно, онъ подкрѣпляетъ ученіе о неподвижно- сти сущаго пятью эпихеремами. Будучи не въ состояніи отвѣтить на нихъ, циникъ Антисеенъ всталъ и началъ ходить, полагая, что доказа- тельство дѣйствіемъ сильнѣе всякаго словеснаго возраженія.

¹⁾ О запутанности мѣста см. М. Мандесъ, стр. 199—200.

²⁾ Мы прямыкаемъ въ пониманіи текста къ Ф. Шнейдеру (ц. с., стр. 612) противъ К. Прантля.

Апофтегматика.

16. *Эвдемъ phys. fr. 7 (Симплицій phys. 97, 12)* Передаютъ, что Зенонъ говорилъ, что если бы кто-нибудь отвѣтилъ ему, что такое единое, то онъ могъ бы сказать, что такое сущее.

17. *Плутархъ Pericl. 5* Тѣхъ, кто называлъ важность Перикла (въ обращеніи) честолюбіемъ и самомнѣіемъ, Зенонъ приглашалъ самимъ стать честолюбивыми въ такомъ же родѣ; онъ полагалъ, что уже само притязаніе на хорошія качества незамѣтно вселяетъ нѣкоторое подражаніе (имъ) и (затѣмъ) привычку (къ нимъ).

18. *Филонъ quod omn. prob. lib. 14* По поводу такихъ мнѣній и изреченій не слѣдуетъ ли привести слѣдующее (изреченіе) Зенона: „Легче погрузить (въ воду) наполненный воздухомъ мѣхъ, чѣмъ принудить какого-либо нравственнаго (человѣка) сдѣлать противъ воли что-либо нехорошее“. *Изреченіе, можетъ быть, принадлежитъ Зенону стоику, а не элейцу.*

19. *Тертуллианъ apologetic. 50* Элеецъ Зенонъ на вопросъ Діонисія, что же доставляетъ философія, отвѣтилъ: „Презрѣніе къ смерти“. Послѣ этого тираннъ подвергъ его (сѣченію) плетьюми; Зенонъ же, оставаясь равнодушнымъ, продолжалъ отстаивать свое мнѣніе до самой смерти.

20. *Стобей flor. (III) t. 7, 37 Н.* Элеецъ Зенонъ, будучи пытаемъ тиранномъ, (желавшимъ принудить его) назвать сообщниковъ, сказалъ: „Вѣдь если бы они были, то развѣ ты властвовалъ бы?“.

Ученіе.

Срв. Сочиненіе Аристотеля: „Противъ ученій Зенона“ одна книга (Діогенъ V 25) и Гераклида Понтійскаго „Противъ ученія Зенона“ одна книга (Діогенъ V 87).

21. *Аристотель Metaph. В 4. 1001 b 7* Далѣе, если само единое недѣлимо, то, по ученію Зенона, оно было бы ничѣмъ. А именно, онъ говоритъ, что то, что ни увеличиваетъ, ни уменьшаетъ, прилагать ли его или отнимать, не принадлежитъ къ числу существующихъ (вещей), такъ какъ-де очевидно, что бытіе есть величина. А если оно—величина, то оно тѣлесно. Ибо оно существуетъ во всѣхъ (*трехъ*) измѣреніяхъ. Изъ остальныхъ же (вещей) нѣкоторыя, а именно, поверхность и линія, увеличатъ, если ихъ прилагать однимъ способомъ, и нисколько не увеличатъ, (если ихъ прилагать) другимъ способомъ. Точка же и единица никоимъ образомъ (не могутъ увеличить).

Симплицій phys. 97; 13 (изъ Эвдема fr. 7 послѣ А 16) Онъ получаетъ апорію, повидимому, вслѣдствіе того, что о каждой изъ чувственныхъ (вещей) говорится, какъ о множественной въ отношеніи ея

свойствъ и въ смыслѣ дѣлимости (ея), точка же не дѣляетъ даже единицы. Ибо онъ полагалъ, что то, что, будучи прилагаемо, не увеличиваетъ и, будучи отнимаемо, не уменьшаетъ, не принадлежитъ къ сущему.

Тамъ же 99, 10 Здѣсь же, какъ говоритъ Эвдемъ, (*Зенонъ*) отвергаетъ (существованіе) одинаго (ибо онъ говоритъ о точкѣ, какъ объ единицѣ), существованіе же многого признаетъ. Однако, Александръ думаетъ, что и здѣсь Эвдемъ приводитъ Зенона въ качествѣ (*мыслителя*), отрицавшаго (существованіе) многого. „Ибо, какъ сообщаетъ Эвдемъ (говоритъ онъ), пріятель Парменида Зенонъ старался доказать, что сущее не можетъ быть множественнымъ вслѣдствіе того, что въ сущемъ вовсе нѣтъ единицы, множество же есть совокупность единицъ“. Что Эвдемъ упоминаетъ здѣсь Зенона не въ качествѣ (лица), отрицавшаго (существованіе) многого, ясно изъ его собственныхъ словъ. Я же (съ своей стороны) полагаю, что и въ книгѣ Зенона эта эпихерема не приводилась, вопреки утверженію Александра.

Филопонъ phys. 42, 9 Элеецъ Зенонъ, выступая противъ осмѣивавшихъ мнѣніе его учителя Парменида, утверждавшее единство сущаго, и защищая (это) мнѣніе учителя, старался доказать, что въ сущемъ не можетъ быть множества. Ибо если, говоритъ онъ, есть множество, то, такъ какъ множество образуется изъ многихъ единицъ, необходимо существованіе многихъ единицъ, изъ которыхъ составилось множество. Итакъ, если мы докажемъ невозможность существованія многихъ единицъ, то станетъ очевиднымъ невозможность существованія множества. Ибо множество (состоитъ) изъ единицъ. Если же существованіе множества невозможно, а между тѣмъ должно существовать или единое или множество, множество же не можетъ существовать, то остается (признать), что существуетъ единое и т. д.

Сенека ep. 80, 44 Парменидъ утверждаетъ, что изъ кажущихся явленій вообще ничего не существуетъ; элеецъ Зенонъ разрушилъ все до тла¹⁾; онъ утверждаетъ, что нѣтъ ничего... 45 Если (повѣрить) Пармениду, то нѣтъ ничего, кромѣ одного; если Зенону, то не существуетъ даже (этого) одного. *Исократъ 10, 3 (см. 76 В 1)*.

22. (*Аристотель de lin. insec. 968 a 18* Далѣе, по ученію Зенона, необходимо, чтобы была нѣкая недѣлимая величина, если только (*правильно слѣдующее разсужденіе*): въ ограниченное время невозможно овладѣть безконечнымъ (*пространствомъ*), достигая отдѣльно каждой (*изъ безконечнаго числа его частей*), необходимо же, чтобы движущійся (предметъ) сперва дошелъ до половины (пути), у того же, что не является совершенно недѣлимымъ, имѣется половина.

Аристотель phys. А 3, 187 a 1 Нѣкоторые же сдѣлали уступки обоимъ ученіямъ: одному, что все едино... другому же, признавъ недѣлимая величины, получаемая посредствомъ дихотоміи (*дѣленія на два*).

¹⁾ Точнѣе: „выбросилъ все изъ вселенной“.

Симплицій къ этому мѣсту 183, 3 Второе же ученіе о (полученіи недѣлимыхъ величинъ) дихотомическимъ дѣленіемъ принадлежитъ, по словамъ Александра, Зенону... Къ этому же ученію, говоритъ онъ (*Александръ*), относительно дихотоміи примкнулъ Ксенократъ Халкедонскій, принявшій, что все дѣлимое множественно (ибо часть есть нѣчто иное, чѣмъ цѣлое)... А именно, существуютъ нѣкоторыя недѣлимыя линіи, относительно которыхъ утверженіе, что онѣ множественны, совершенно ложно.

23. Симплицій phys. 134, 2 (къ Аристотелю А 3. 187 a 1) Онъ говоритъ, что нѣкоторые примкнули къ обоимъ ученіямъ—и къ вышеупомянутому ученію Парменида и къ ученію Зенона. Послѣдній хотѣлъ помочь ученію Парменида противъ пытавшихся осмѣивать его, полагавшихъ, что если (принять положеніе, что) существуетъ единое, то ученію приходится высказывать множество смѣшныхъ (нелѣпостей) и противорѣчій самому себѣ. (Вотъ противъ нихъ-то) Зенонъ доказываетъ, что ихъ положеніе, гласящее: „существуетъ многое“, если изслѣдовать его надлежащимъ образомъ, окажется еще смѣшнѣе ученія о существованіи единого.

(*Плутархъ*) *Strom. 5 (D. 581 за сообщеніемъ о Парменидѣ)* Элеець же Зенонъ не далъ никакого собственнаго ученія, но еще болѣе находилъ апорій, связанныхъ съ этими (вопросами). *Азій IV 9, 1. Сrv. 18 A 49.*

24. Аристотель phys. A 3. 210 b 22 Нетрудно разрѣшить то, что приводило въ затрудненіе Зенона, а именно: „Если мѣсто есть нѣчто (существующее), то въ чемъ оно будетъ находиться?“ Вѣдь ничто не препятствуетъ первому мѣсту находиться въ другомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ въ первомъ мѣстѣ (находится что-либо) и т. д. *1. 209 a 23* А именно, апорія Зенона изслѣдуетъ нѣкоторое понятіе. Ибо, если все сущее (находится) въ пространствѣ, то очевидно, что будетъ и пространство пространства, и это поидеть въ безконечность.

Зедемъ phys. fr. 42 (Симплицій phys. 563, 17) Къ тому же самому, кажется, ведетъ и апорія Зенона. А именно, онъ полагаетъ, что все сущее находится гдѣ-либо. Если же пространство принадлежитъ къ числу существующихъ (вещей), то гдѣ оно могло бы быть? Очевидно, въ другомъ пространствѣ, другое въ третьемъ и такъ далѣе... Мы возразимъ Зенону, что (слово) „гдѣ“ употребляется во многихъ значеніяхъ. Итакъ, если онъ держится мнѣнія, что (*все*) сущее находится въ пространствѣ, то его мнѣніе неправильно. Ибо ни о здоровѣ, ни о храбрости, ни о безчисленномъ множествѣ другихъ (вещей) нельзя сказать, чтобы они находились въ пространствѣ. Конечно, и пространство не таково, какъ о немъ выше сказано. Если же (братъ слово) „гдѣ“ въ другомъ смыслѣ, то и пространство, пожалуй, будетъ находиться „гдѣ-нибудь“. Дѣло въ томъ, что граница тѣла есть его „гдѣ“. Ибо это—конецъ (его).

25. Аристотель phys. Z 9. 239 b 9 У Зенона есть четыре разсужденія о движеніи, которыя заключаютъ въ себѣ не легко разрѣшимыя

трудности. Первое (разсужденіе)—о невозможности движенія вслѣдствіе того, что движущійся (предметъ) долженъ дойти до половины прежде, чѣмъ достигнетъ конца (пути). Это (разсужденіе) мы разсмотрѣли въ предыдущихъ частяхъ (нашего) сочиненія, *именно 2. 231 а 21*: Поэтому и разсужденіе Зенона принимаетъ ложную посылку, будто невозможно въ конечное время пройти безконечное или овладѣть каждой изъ безконечнаго числа частей. Дѣло въ томъ, что длина, время и вообще все непрерывное называется безконечнымъ въ двухъ значеніяхъ: или въ отношеніи дѣленія или относительно своихъ границъ. И вотъ безконечнымъ по величинѣ нельзя овладѣть въ конечное время, безконечнымъ же по дѣленію можно. Ибо и самое время безконечно въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ оказывается, что безконечное (пространство) проходится въ безконечное, а не въ конечное (время), и безконечнымъ (числомъ частей пространства) овладѣваютъ въ безконечное, а не въ конечное (число частей времени). *Перифразъ этого мѣста у Симплиція 947, 3 слѣд.). Топика Ө 8. 160 b 7* Мы имѣемъ много разсужденій, противорѣчащихъ (*общепринятымъ*) мнѣніямъ; таково (разсужденіе) Зенона, что невозможно двигаться и пройти даже стадій.

26. *Аристотель phys. Z 9. 239 b 14* Второе (разсужденіе)—такъ называемый „Ахиллесъ“. Оно заключается въ томъ, что самое медленное во время бѣга не будетъ настигнуто самымъ быстрымъ. Ибо то, которое преслѣдуетъ, должно сначала притти туда, откуда отправилось преслѣдуемое (имъ), такъ что болѣе медленное всегда должно быть нѣсколько впереди. Имѣется у него еще точно такое же разсужденіе, (проведенное) посредствомъ дихотоміи, различіе же (между ними) заключается въ томъ, что (въ первомъ) овладѣваемую величину не дѣлятъ на двѣ части.

27. *Аристотель phys. Z 9. 239 b 30* Третье же (разсужденіе), только что упомянутое нами, состоитъ въ томъ, что движущаяся стрѣла покоится. Этотъ выводъ получается вслѣдствіе того, что онъ принимаетъ время за сумму моментовъ. Ибо, если этого не дано, то не будетъ логическаго умозаключенія. *Срв. 239 b 5* Зенонъ строитъ (слѣдующее) ложное умозаключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, если все всегда или покоится или движется, когда занимаетъ равное себѣ мѣсто, движущійся же предметъ всегда находится въ (*одномъ*) моментѣ, то движущаяся стрѣла неподвижна. *Такъ гласитъ текстъ Аристотеля безъ внесенія въ него поправокъ Г. Дильса; въ такомъ видѣ онъ соотвѣтствуетъ нашей второй формѣ доказательства, принимаемой Брошаромъ. Тотъ же текстъ съ поправками Дильса (первая форма доказательства):* Зенонъ строитъ (слѣдующее) ложное умозаключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, если все всегда или покоится или движется, (ничто же не движется), когда занимаетъ равное себѣ мѣсто ¹⁾, движущійся же пред-

¹⁾ Г. Дильсъ указываетъ, что согласно Аристотелю *phys. 239 а 26*, „находиться въ покоѣ“ для тѣла значитъ, что „и оно само (какъ цѣлое) и каждая изъ его частей

метъ всегда находится въ (одномъ) моментѣ, (все же занимаетъ равное себѣ мѣсто въ одинъ моментъ), (слѣдовательно), движущаяся стрѣла неподвижна.

28. *Аристотель phys. Z 9. 239 b 33* Четвертое разсужденіе—относительно движущихся по ристалищу съ противоположныхъ сторонъ по параллельнымъ линіямъ равныхъ массъ ¹⁾ съ равною скоростью. Однѣ (изъ нихъ движутся) отъ конца ристалища, другія—отъ середины (его). Въ этомъ случаѣ, думаетъ онъ, оказывается, что половина (промежутка) времени равна (времени) вдвое большему. Паралогизмъ же заключается въ положеніи, будто равныя величины, движущіяся съ равною скоростью, проходятъ въ равное время вдоль одной и той же величины, независимо отъ того, покоится ли она или движется. А это невѣрно. Такъ, напри- мѣръ, допустимъ, что покоющіяся равныя массы находятся тамъ, гдѣ *AA*; другія же, равныя первымъ по числу и по величинѣ, пусть стоятъ тамъ, гдѣ *BB*, начиная съ середины мѣста, занятого массами *A*, третьи же—тамъ, гдѣ *ГГ*, отъ послѣдняго *B* ²⁾, будучи по числу и по величинѣ равны вѣшеупомянутымъ массамъ, по скорости же равныя массамъ *B*. Итакъ, когда онѣ начнутъ двигаться однѣ мимо другихъ, то на концѣ очутятся одновременно первое *B* и первое *Г*. Получается также, что (первое) *Г* прошло мимо всѣхъ *B* и мимо половины (массъ) *A* ³⁾. Такимъ образомъ половинный (промежутокъ) времени равенъ вдвое большому времени. Ибо и то и другое (время) равно (при движеніи) мимо каждой (массы). вмѣстѣ съ тѣмъ получается, что массы *B* прошли мимо всѣхъ массъ *Г*. Ибо одновременно будутъ первое *Г* и первое *B* на противоположныхъ концахъ, причемъ въ теченіе равнаго времени происходитъ движеніе мимо какъ каждой изъ *B*, такъ и (каждой) изъ *A*, какъ онъ утверждаетъ вслѣдствіе того, что и тѣ и другія бывають въ теченіе равнаго времени возлѣ (массъ) *Г* ⁴⁾.

Симплицій 1019, 32 Итакъ, это разсужденіе весьма глупо, какъ говоритъ Эвдемъ, вслѣдствіе того, что оно заключаетъ въ себѣ явный паралогизмъ... Дѣло въ томъ, что (массы), движущіяся съ равной ско-

находится въ одномъ и томъ же (мѣстѣ) нѣкоторое время“, или „въ одинъ и въ другой моментъ“. Выраженіе: „κατά τὸ ἴσον εἶναι“ переводится различно, а именно. Тренделенбургъ: „одинаково къ себѣ относиться“; Прантль: „находиться въ одномъ и томъ же отношеніи (ко всему остальному)“; Бейль, Бартедеми С. Илеръ, В. Кузень: „находиться въ равномъ себѣ пространствѣ“, Целлеръ: „находиться въ одномъ и томъ же равномъ себѣ пространствѣ“.

1) „Массы“ въ смыслѣ „рядъ точекъ“.

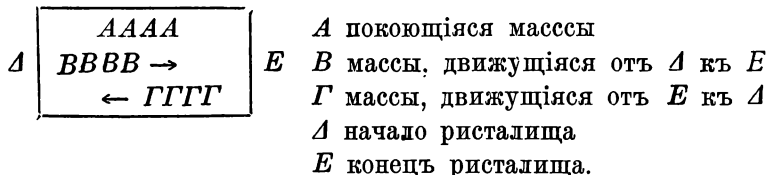
2) Читаю „ἀπὸ τοῦ ἐσχάτου В“, такъ какъ безъ вставки здѣсь В текстъ не будетъ соответствовать ниже приводимой фигурѣ Александра.

3) Въ виду очевидной недѣльности смысла, даваемого здѣсь текстомъ Г. Дильса, вмѣсто „τὰ δὲ В παρά“ читаю „παρά δὲ А“ и къ концу слѣдующей фразы прибавляю „τῷ διατάσει ἴσον“. См. К. Goebel. Die vorsokratische Philosophie 1910, стр. 116—117.

4) Читаемъ здѣсь Г вмѣсто А, стоящаго въ текстѣ Дильса.

ростью съ противоположныхъ другъ другу сторонъ проходить двойное разстояніе въ то же самое время, въ которое (предметъ), движущійся вдоль покоющагося (тѣла), проходитъ половину, хотя скорость его и равна тѣмъ.

Фигура Александра (у Симплиція *phys.* 1016, 14 слѣд.).

29. *Аристотель phys. II 5. 250 a 19* Поэтому неправильно разсужденіе Зенона, будто любая часть пшениаго зерна издаетъ звукъ. Ибо не встрѣчается никакихъ препятствій (*думать*), что она никогда не приведетъ въ движеніе тотъ воздухъ, который пришелъ въ движеніе отъ паденія цѣлаго медимна пшениа.

Къ этому Симплицій 1108, 18 Такимъ способомъ онъ рѣшаетъ и разсужденіе Зенона Элейскаго, задавашаго ¹⁾ софисту Протагору ²⁾ слѣдующій вопросъ: „Въ самомъ дѣлѣ, Протагоръ, молвилъ онъ, скажи мнѣ, производитъ ли при паденіи шумъ одно пшениное зерно или одна десяти-тысячная часть зерна?“ Когда же тотъ отвѣтилъ, что не производитъ, (Зенонъ) сказалъ: „А медимнъ пшениа при паденіи производитъ шумъ или нѣтъ?“ Когда тотъ отвѣтилъ, что медимнъ производитъ шумъ, Зенонъ сказалъ: „Что же, слѣдовательно, не существуетъ количественнаго отношенія между медимномъ пшениа и однимъ (цѣлымъ) пшенинымъ зерномъ или десяти-тысячной частью одного?“ Когда же тотъ сказалъ, что (количественное отношеніе между ними) существуетъ, Зенонъ сказалъ: „Что же, не будутъ ли и у шумовъ тѣ же самыя взаимныя отношенія? Вѣдь какъ (относятся другъ къ другу предметы), производящіе шумъ, такъ (относятся другъ къ другу и самыя) шумы. А если это такъ, то, разъ медимнъ пшениа производитъ шумъ, произведетъ шумъ и одно зерно и десяти-тысячная часть зерна“. Вотъ какимъ образомъ велъ Зенонъ научную бесѣду.

30. *Азій I 7, 27 (D. 303)* Мелиссъ и Зенонъ: всеединое есть богъ, и только единое вѣчно и безпредѣльно.

¹⁾ Читаю „δς“ вмѣсто „δν“.

²⁾ Этотъ диалогическій способъ изложенія, по мнѣнію Дильса, идетъ не отъ самого Зенона (вопреки 19 А 14), но изъ стариннаго діалога (можетъ быть, изъ „Физика“ Алкидама, срв. 21 А 1 § 56).

В. Фрагменты.

«О природѣ» Зенона.

1. *Симплицій рhуs. 140, 34 (послѣ В 3)* Безконечное по величинѣ онъ разъяснилъ выше посредствомъ того же самаго приѣма аргументаціи. А именно, показавъ сначала, что „если бы сущее не имѣло величины, оно не существовало бы“, онъ продолжаетъ: „Если же оно существуетъ, то каждая (вещь) ¹⁾ обязательно должна имѣть какую-либо величину, толщину и разстояніе отъ любой другой вещи ²⁾. И къ лежащей передъ ней ³⁾ ⁴⁾ (вещи) примѣнимо (опять) то же самое разсужденіе. А именно, и она будетъ обладать величиной и передъ ней будетъ лежать какая-либо (другая вещь). Итакъ, то самое, что было сказано однажды, можно повторять до безконечности. Ибо ни одна такая (вещь) его (сущаго) не будетъ послѣдней и никогда не будетъ вещи, у которой не было бы (выше указаннаго) отношенія къ другой вещи. Такимъ образомъ, если сущее множественно, то оно должно быть и малымъ и большимъ: настолько малымъ, чтобы (вовсе) не имѣть величины, и настолько большимъ, чтобы быть безконечнымъ“.

То же въ пер. П. Таннери (стр. 243 р. н.) „Доказавъ, что если вещь не имѣетъ величины, она не существуетъ“, Зенонъ прибавляетъ: „Если вещь существуетъ, необходимо, чтобы она имѣла нѣкоторую величину, нѣкоторую толщину и чтобы было нѣкоторое разстояніе между тѣмъ, что представляетъ въ ней взаимное различіе. То же можно сказать о предыдущей, о той части этой вещи, которая предшествуетъ по малости ⁵⁾ въ дихотомическомъ дѣленіи. Итакъ, это предыдущее должно также имѣть нѣкоторую величину и свое предыдущее. Сказанное одинъ разъ можно всегда повторять. Такимъ образомъ никогда не будетъ крайняго предѣла, гдѣ не было бы различныхъ другъ отъ друга частей. Итакъ, если есть множественность, нужно, чтобы вещи были въ одно и то же время велики и малы и настолько малы, чтобы не имѣть величины, и настолько велики, чтобы быть безконечными“.

1) „Каждая изъ отдѣльныхъ частей его“ Г. Дильса.

2) „Если оно существуетъ, необходимо каждому сущему имѣть нѣкоторую величину и плотность, а также каждой части (бытія) находиться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другой части“, пер. Г. Церетели.

3) О значеніи термина „*τὸν προῦχοντος*“ см. у М. Мандеса (стр. 210—213), который, примыкая самъ къ Э. Целлеру, приводитъ толкованія, предложенныя Вельманомъ, Эвангелидисомъ и Шнейдеромъ.

4) По мнѣнію Дильса, *ἀπέχεσθαι* относится къ *μέγεθος*, а *προῦχον* къ *πλάτος*. Смыслъ: то, что справедливо относительно одного измѣренія (длины), справедливо и относительно другого (толщины). Толкованіе Дильса кажется намъ искусственнымъ.

5) Т. е. превосходить въ малости.

2. ——— ——— 139, 5 Однако, въ своемъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ много эпихеремъ ¹⁾, въ каждой изъ послѣднихъ онъ доказываетъ, что тому, кто утверждаетъ множественность (сущаго), приходится впадать въ противорѣчія. Въ одной изъ этихъ эпихеремъ онъ доказываетъ, что „если сущее множественно, то оно и велико и мало; столь велико, что безконечно по величинѣ, и столь мало, что вовсе не имѣетъ величины“ (В 1). Вотъ въ этомъ (доказательствѣ) онъ старается доказать, что то, что не имѣетъ ни величины, ни толщины, ни объема, существовать не можетъ. „Ибо, говоритъ онъ, если прибавить (это) къ другому сущему, то нисколько не увеличишь его. Вѣдь, такъ какъ у него нѣтъ вовсе величины, то, будучи присоединено, оно не можетъ нисколько увеличить. И такимъ образомъ, (какъ) уже (очевидно), ничего не было бы прибавлено. Если же другая (вещь) нисколько не уменьшится отъ отнятія (у ней этого) и, съ другой стороны, нисколько не увеличится отъ прибавленія (этого), то очевидно, что то, что было прибавлено и отнято, есть ничто“. И это Зенонъ говоритъ не съ цѣлью отрицать единое, но исходя изъ того (соображенія), что каждая изъ многихъ безконечныхъ (по числу вещей) имѣетъ величину по той причинѣ, что передъ любой (вещью) всегда должно находиться что-нибудь вслѣдствіе безконечной дѣлимости. Это онъ доказываетъ, послѣ того какъ раньше показали, что ничто не имѣетъ величины, такъ какъ каждая изъ многихъ (вещей) тождественна съ собой и едина.

3. ——— ——— 140, 27 И зачѣмъ много говорить, когда это высказывается въ самомъ сочиненіи Зенона? Дѣйствительно, снова доказывая, что, если существуетъ многое, то одно и то же будетъ ограниченнымъ и безпредѣльнымъ, Зенонъ пишетъ буквально слѣдующее:

„Если существуетъ много (вещей), то ихъ должно быть (ровно) столько, сколько ихъ (дѣйствительно) есть, отнюдь не больше и не меньше, чѣмъ сколько ихъ есть. Если же ихъ столько, сколько есть, то число ихъ ограничено.

Если существуетъ много (вещей), то сущее (*по числу*) безпредѣльно. Ибо между (отдѣльными) существующими (вещами) всегда находятся другія (вещи), а между этими опять другія. И такимъ образомъ сущее безпредѣльно (*по числу*)“. И такимъ же образомъ онъ доказалъ безконечность (*сущаго*) по количеству посредствомъ дихотоміи.

Тотъ же фрагментъ въ переводѣ П. Таннери (стр. 244—245 р. н.) имѣетъ не арифметическое, но геометрическое содержаніе:

„Если есть множественность, необходимо, чтобы вещи были такими, какими онѣ существуютъ, не больше и не меньше. Будучи такими, какими онѣ существуютъ, вещи ограничены ²⁾. Но, если есть множествен-

¹⁾ Сорокъ, согласно 19 А 15.

²⁾ При множественности вещей онѣ были бы ограниченными, такъ какъ онѣ взаимно ограничивали бы другъ друга.

ность, онѣ безпредѣльны, такъ какъ между единицами всегда должны быть другія и между этими опять-таки другія и такимъ образомъ вещи безпредѣльны“.

4. *Диогенъ IX 72* Однако, согласно имъ (*пирроновцамъ*), скептиками оказываются и Ксенофанъ, и Зенонъ Элейскій, и Демокритъ... Зенонъ же отрицаетъ движеніе, говоря: „Движущійся (предметъ) не движется ни въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, ни въ томъ, гдѣ его нѣтъ“.

20. Мелиссъ.

Мелиссъ Самосскій, послѣдній изъ значительныхъ представителей элейской школы, приобрѣлъ извѣстность не только какъ философъ, но и какъ государственный дѣятель. Согласно Аполлодору, его „акме“ приходится на 84 олимпіаду (444--440), въ послѣдній годъ которой онъ въ качествѣ главнокомандующаго самосскимъ флотомъ одержалъ побѣду надъ аѳинянами. По мнѣнію Дж. Бернета ¹⁾, Мелиссъ, какъ самосецъ, первоначально былъ приверженцемъ іонійской философіи, но затѣмъ примкнулъ къ элеатамъ, сохранивъ изъ перваго міровоззрѣнія только тѣ элементы, которые казались ему совмѣстимыми съ элейской діалектикой. Въ этомъ вліяніи іонійской философіи Дж. Бернетъ видитъ объясненіе расхожденія Мелисса въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ ученіемъ Парменида. Въ общемъ подобно Зенону, Мелиссъ ставитъ цѣлью своего сочиненія защиту ученія Парменида, однако, расходится съ послѣднимъ въ двухъ пунктахъ. Утверждая вмѣстѣ съ Парменидомъ, что сущее едино, вѣчно, неподвижно, неизмѣнно и абсолютно однородно, Мелиссъ, въ отличіе отъ Парменида, полагаетъ, во-первыхъ, что—оно безконечно по протяженію, и, во-вторыхъ, приписываетъ ему состояніе полнаго блаженства, не нарушаемаго болѣзнью, страданіемъ и печалью (Парменидъ ничего не говорилъ объ эмоціональной сторонѣ сущаго). Вопросъ о способѣ доказательства пространственной безконечности сущаго у Мелисса является однимъ изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ въ посвященной Мелиссу ученой литературѣ. Аристотель (см. А 10) находитъ въ доказательствѣ Мелисса двѣ ошибки: во-первыхъ, логически недопустимую конверсію сужденія (сужденіе „все возникшее имѣетъ начало“ Мелиссъ конвертируетъ „если что-нибудь имѣетъ начало, то оно возникло“) и, во-вторыхъ, скачекъ отъ временной безконечности къ пространственной. М. Оффнеръ, выступая противъ общепринятаго среди историковъ философіи взгляда, старается доказать, что Аристотель не упрекаетъ Мелисса въ смѣшеніи

¹⁾ Стр. 370 ц. с.